

701
295
БЭОБИ.

(Бывш. В. Л. Гордин, „Бр. Гордины“).

ПЛАН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ-ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ).

Перевод с языка Человечества АО
и Скороизобретописи.

Издание Всеизобретальни.

Печатано во внегосударственной
Дотинографии.

Аоград (Москва).

Аоулица (Тверская), 68, и Аопереулок
(Благовещенский), 5.

2-ой год по изобретении **ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

ПРЕДИРЕДИСЛОВИЕ.

Данный план представляет собою то, что по старому общепониманию и общественному называлось программой. Знакомым с нашей культурно-исторической схемой не будет бесполезно указать на то, что она (т. е. программа) преимущественно, возникает во второй период третьего (или пятого) культурного цикла, именно социального, когда слитные вначале, в магии (которая всегда есть социомagia), циклы начинают расчленяться этапно и периодически-эпихоально на миф, язычество, юдаизм и христианство, образуя определенную культурно-историческую лестницу, одинаково повторяемую как в истории религии, так и в науке. За магией научного эмпиризма следует метафизика, как научный миф, сменяющийся научным язычеством с гегемонией физики (английский физизм), вытесняемый научным юдаизмом с гегемонией психологии (немецкий психологизм), и завершающийся научным христианством (социологизм, социализм, анархизм и проч.).

Этот третий или пятый цикл внутри спять распадается на три различных периода, которые, по различию признака гносеологического метода, называются нами: первый—периодом обществоизучения (обществообъяснения) (чисто буржуазно-классический период), второй—периодом обществоизменения (обществореформирования), завер-

шающимся третьим, периодом обществореволюционирования. Партии и программы являются сопутствующими, главным образом, второго и третьего периодов.

Первый, как антиисторический, классический, по слепоте своей, сравнительно свободен от той болезни происхожденчества, которыми одинаково болеют второй и третий периоды. Что ни книжка, что ни программка, что ни брошюрка—и вы там найдете ответ на психопатические абсурдные внутренне-противоречивые вопросы происхождения общества, семьи, капитала, государства и проч. Носителем этой умственной патологии в анархизме был Кропоткин, который, болезненно наслаждаясь рассуждениями насчет происхождения государства, довел анархизм до взаимопомощи животных...

То, что мы предлагаем предпосылает Новую Цивилизацию, которая отвергает предыдущие методы познания и приемы действия. Не обществообъяснение (буржуазное), не обществоизменение (реформизм) и не обществореволюционирование (социализм и анархизм), а обществоизобретение, т. е. не реформа и не переворачивание (революция) старого, которое и в „починочном“ и перевороченном виде совершенно не годится, а изобретение нового априорно-планомерного, следовательно, априорно (заранее) желательного, идеального общества, словом, обществоизобретение, точнее, и не общество (общество со всем его балластом предразсудков, драк, дрызг, внутренних

противоречий, расколотов, разодранностей, распыленностей, оставляем старому миру), а Человечество, Человечествоизобретение.

Нас поэтому (помимо чисто-логических или сверхлогических соображений) не интересует, откуда произошел пол, семья, национальность, вавилонское столптворение языков, класс, цукурничество, индивидуализм и проч. зло, раз'едающие старый мир, а как бы от них избавиться, и избавиться на деле, не в мечте, не мессианскими бесплодными упованиями на „рай будущего“ и не кошмарным мифом мировой анархической черной революции. Перед нами задачи изобретательные, задавательные, плановые—не научные, бесплодно-теоретические или магически-эмпирические.

Между тремя основными положениями Плана, которые суть: 1) реакционность анархизма, 2) Человечество и 3) внегосударственность лишь первое кажущегося еще теоретического характера, хотя и анархизм трактуется нами не как теория, а как социальный план, два же остальных положения мы абсолютно понимаем не как теории, а как изобретения—внегосударственность, как социальное изобретение (а не как политическое учение) и Человечество опять-таки как реальное изобретение, Человечество, изобретенное и изобретаемое языком АО.

Вот почему у нас не наука, а человечествоизобретательство, и не „программа“, а план, План Человечества.

Этот план часто у нас назывался диетой, в-

виду того, что мы им преследуем именно более социально-гигиенические цели, чем социально-лечебные. В этом никакого противоречия или изменения взглядов усматривать не следует. Выбор термина „План“, на котором мы окончательно остановились, диктуется лишь общими соображениями Всеизобретательства, к которому мы все более придвигаемся, по мере углубления и расширения наших изобретений и предизобретений, раздвигающих рамки идеала Человечествоизобретальни до Всеизобретальни, как будущего центра регулятора (по-старому), будущего изобретателя (по новому) „вселенной“, правильное, Всего.

Более специальная же точка зрения правильно рассматривает план как диету вполне гигиенического общества, т. е. бессмертного общества. Она выходит из предпосылки, что здоровая и нормальная общественность, одно лишь человечество, и что остальные лишь болезненные формы, а именно, что индивид (особь), пол, семья, нация, государство, класс—лишь естественные, неправильные, нецелесообразные социальности, следовательно, антисоциальности, противочеловечественности. Вполне нормально целесообразно это лишь Человек и Человечество, т. е. человек, олицетворяющий собою Человечество, человек, у которого личного, необщезначимого, нечеловечествозначимого ничего нет; человек, у которого личное покрывается человечественным, а человечественное—личным. Исчезновение или вырождение племен, наций, рас, сословий, обществ и

проч. этот взгляд рассматривает, как смерть, наступающая вследствие болезней, внутренних противоречий, дисгармоний, столкновения и борьбы особей, полов, семей и проч.

Социального же бессмертия вечного существования и вечного прогресса, отсутствия застоев и упадка, достигнет лишь Изобретение, Человечество Изобретенных Человеков, Человечество-человек - гармония-изобретение. Под этим углом зрения второй отдел „Отношение Человечества к антисоциальным формам“ вполне правильно должен рассматриваться, как диагностика, где впервые трактуется как болезнь все то, что до сих пор считалось нормальным вследствие своей инстинктивности, естественности, и где впервые поставлен диагноз всех этих болезней, который уже сам по себе есть полулечение, и вдобавок, вскользь указаны и социальные приемы их лечения изобретенной человеческой средой. Нет сомнения, что рядом с социальным лечением должно применяться и новое духо- и тело-лечение-изобретательство, которое пока что отсутствует. Духоизобретательство и телоизобретательство, духо-телесно излечивая от болезней эгоизма, индивидуализма, пола, национальности и проч., завершит дело человекоизобретательства, и когда человекоизобретательня - усовершенствованная сможет взять из государства любого шкурника, насильника, тюремщика, хулигана, вора, убийцу и превратить его в самоизобретателя, в Человека, тогда существование государства потеряет всякое

оправдание и оно бесспорно будет вытеснено и заменено Всеизобретательней.

До того времени изобретательня должна существовать внегосударственно рядом с государством, изобретая новое Внегосударственное нормальное, вполне здоровое бессмертное Человечество и леча старое лжечеловечество, противочеловечество.

Данный план, диэта, имеет пока в виду преимущественно больных второй категории, рассматривавшихся до сих пор, как здоровые, — как образцовые, это всех нас, всех вас, порядочных и честных, т. е. яко-бы непреступников, которые, с точки зрения Человечества, все же являются преступниками, преступниками по отношению к Человечеству, преступниками второй категории.

Ликвидацию преступности второй категории, именно лечение социально-больных: эгоистов, шкурников, половиков, семейников, расоманов, националистов, государственников, классовиков, демагогов, дезорганизаторов, анархистов, мессианистов, социалистов, и культурно-больных; богоскателей, армию спасения, толстовцев, природоскателей, душеискателей, оккультистов, спиритуалистов, теософов, индоманов, игоманов, молекуломанов, атомоманов, мироэфироискателей, пессимистов, подсознательников, бергсманов, и вообще, религиозных и ученых, происхожденияискателей, причиноскателей, времянманов, престранствоманов и проч. — очередная лечебная задача Изобретательни.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Данный План под названием Строя или Диэты составлен мною два года тому назад, и в его основу легла моя схема три года назад основанного Социотехникума, уже свыше года обнаружившего тенденцию превратиться в Человечествоизобретальню. Точка его истока это переоценка анархических ценностей, вообще, слабые места анархизма, которые я нащупал во время практической анархической работы. Отрицательные явления анархизма навели меня на горькие размышления еще во время моего редактирования „Буревестника“, между бешеными руководимыми мною атаками которого, бывало, улучаю время для внутренней оценочной работы. По краху основанного и взлелеянного мною „Буревестника“ вместе со всей петроградской федерацией, показавшей мне воочию всю свою жалкость, свое неумение жить без „особнякизма“, я, оставшись наедине с комплектом и печатью (единственные реликвы „Буревестника“), предавался глубокой критической работе, плодом которой явилось сочинение „Социомагия и Социотехника“, сочинение, правда, „буревестниковской“ своей полемикой уже устаревшее, но зато своей культурно-исторической схемой, в которой анархизм уже фигурирует, как отжившая отрицательная куль-

турная величина, будет жить и поучать еще много лет, если не веков. Этот труд служил для меня лишь сигналом к новому, более продуманному, к последовавшему за ним, не в пример более выдержанному и без всякой полемики, глубоко-философскому труду, развенчавшему мессианство и анархизм, как его последнее проявление, вместе с его антитезой, буржуазно-языческой научной социологией. Но увы! этот труд, именов „Социофилософия“, пал жертвой моих „грехов молодости“, пропал в М. Ч. К. во время моего ареста по поводу бомбы Леонтьевского переулка—уже тогда, когда я успел стряхнуть последнюю пыль „леонтьевизмов“ с ног моих.

Однако, помрачение не чужих, а собственных кумиров дело не легкое, и два года все еще тянулась во мне борьба между остатками старого и зародившимся новым. И, порывая со всеми традициями анархизма, борясь со всеми его проявлениями на протяжении трех лет, я все еще пытался сохранить „черное знамя“, символ смерти, отчаяния и ужаса, название: „анархизм“, прибавляя к нему эпитеты „новый“, „положительный или греческое „пан“ (все). Но здоровое непоколебимое и духо-неустршимое взяло во мне верх—и черное знамя, наконец, нашло свое уподобящее место... и истинную свою роль незапятнанности... служа стиранию пыли и т. п. Мне стало ясно, что болезненное, мусорное, противочеловеческое должно быть выметено из Дома Человечества, и что ассоциация со смертью, черное

знамя, есть лишь жалкий лоскуток старой социомании с ее цветоманией, с ее чучелами и пугалами, пеклами и чистилищами, с ее Гогами и Магогами, мировыми сотрясениями и кошмарами, и что оно идет в разрез с Всеизобретательством, проникнутым глубокой убежденностью в возможности бессмертия для человека, да вообще уничтожения всех зол без гор трупов и океанов почерневшей крови.

Я все более и более убедился, что анархизм сеет лишь или разложение общечеловеческого и человеческого (когда он побеждает, к чему привели меня личные наблюдения на Украине, личное знакомство и изучение набатщины и махновщины, гуляйпольской пьяной анархии и проч.) или влечет за собою усиление диктатуры государственности (когда он бит).

Положительный новый анархизм, таким образом, оказался внутренним противоречием, ибо отрицательность и реакционность анархизма не что-то налетное, наносное (как думал три года назад), а сущностное, нутряное, неизбежное, имманентное, вытекающее из его недр, из основных его начал. Только поэтому анархическая среда кишит сомнительными типами. Только поэтому, благодаря отсталости и „назадности“ „теоретиков“ и основоположников анархизма, этих Прудонных, Бакуниных, Кропоткинских и Толстых, вся анархическая литература пропитана духом хозяйственной, политической и проч. черной реакции, дышет противочеловеческостью и противокультурностью —

— противозобретательностью. Эгоизм-индивидуализм Штирнера и Ницше, мелкохозяиничество Прудона и прочих, бунтарство и славянофильство Бакунина, патриотизм — „ученость“ (чернокнижие) и проч. Кропоткина, религиозная юродивость, природомания и крестьянщина Толстого и проч. и проч., все вышивается на одной канве, все сводится к одному: к „назад“, к „под“, к „прежде“, к „было время“, к „до“ — словом, к антикультуре, антицивилизации, к противочеловечеству, к противозобретательству.

И вот начинаем понимать, что собственно внегосударственность не есть больше анархизм, а что-то другое, совершенно отличное, которое, если у нас тем временем не пропала бы охота к образованию новых „измов, принципиальнее, не потеряли-бы всякую веру в эти „измы“, а главное не начали бы, смотреть на внегосударственность, как на чистое изобретение, как на часть и условие Человечествоизобретательства, — то мы назвали-бы его — эктархизмом, как и если, с изобретением языка Человечества, языка понятий, языка изобретательства: АО, не потускнел бы в наших глазах ореол греческого языка, мы-бы обозначили внегосударственность, в отличие от анархии — термином: эктархией. Ныне же все эти мудрости измофабрикации, как и трех-четырёх-этажные анархизма [анархизм-синдикализм-коммунизм-индивидуализм и проч. и проч. великие творения анархо-единителей, пустозванных анархо-реформаторов и анархо-мировых черно-

жонмарников, вечно копошащихся вокруг да около безядерного ныне слова „анархизм“) я оставил мелкоплавающим анархическим группам, секциям и проч. „всероссийским“, чтоб они на них отвели свое мелкое умие. Отраден для меня лишь тот факт, что мой анализ подгосударственного, государственного и надгосударственного, произведенный 2—3 года назад, произвел переполох в рядах анархизма, вызывая полную перетасовку и перегруппировку всех его течений. И это укрепляет во мне уверенность, что диагноз анархической болезни мною поставлен правильно и что мой взгляд на внегосударственность, как на социально-лечебное средство против демагогии и дезорганизации, верен.

Судьба моей первой идеи о реакционности анархизма постигла и вторую:—идею о Человечестве. И к ней начинают все больше примазываться перебежчики из анархического лагеря, понимая ее, конечно, не как реальный План, а коверкая по своему, извращая и превращая и само Человечество—в „изм“... Но как бы то ни было мне приятно констатировать, что над анархическим славянофильством поставлен крест, что скоро сойдет в могилу, с могиканами анархизма, и анархическая деревенщина, (культ деревни и крестьянства), местничества и областничества, и что ново образующиеся анархические группы уже вынуждены словесить о своей, хотя все еще полумессианской и полумимпериалистической, Человечественности. А это окрыляет меня надеждой,

что скоро будет отпета и последняя шкурническая песенка анархизма со всеми его эгоизмами, индивидуализмами, „личностями“ (читай: шкурниками), особями (читай: развратниками), индивидами (фальшиво-монетчиками), полуиндивидами (интериндивидами, читай: онанистами вдвоем и т. п.) и т. д. и т. д., и что на могиле индивида и интериндивида изобретется-выстроится великолепный дворец великого антииндивида Человека—Человечества, Всеизобретателя—Всеизобретальни.

Итак, я ничего серьезного в последовавших за моим пананархизмом попытках реформирования анархизма, сначала на Украине, а после и в Москве, не усматриваю; как всякое реформаторство в наше время оно бесспорно потерпит полное крушение, ибо никакого выхода, из анархического тупика, помимо внегосударственности, фактически нет, ибо создать из анархизма партию вроде социал-демократии, что означает отбросить всю подгосударственность анархизма, выделяя из него или чистую догосударственность (стремящуюся к власти партию) или чистое мессианство, выжидательство исторического процесса, заранее осуждено на неудачу из-за одного того, что весь анархизм, как и примыкающие к нему течения, вроде максимализма, всегда вложили всю свою сущность, смысл и оправдание своего существования лишь в лозунге: „прямо к цели“, без которого анархизм, как таковой, перестает существовать, что не мешает, конечно, называться

анархистами и без него—тем, которым угодно прилепить себе какой нибудь ярлык, лишь на потеху или из-за одной трусости остаться без такового. Оспаривать этот основной тезис анархизма, на котором последний исторически разошелся с социализмом, с марксизмом, и называться анархистом—есть абсурд, что-то вроде названия „неанархического анархиста“, так как одним тем, что отвергаешь государство в будущем, еще не имеешь права на название „анархист“, ибо в этом согласится с тобою не только коммунист и социалист, но даже и кадет. Значит, это принципиально не возможно, как и невозможно выезжать на человечестве будущего, т. е. на уничтожении национальностей в будущем, ибо с этим опять согласится добрая половина кадетов и почти все социалисты и буквально все коммунисты. Что остается для анархизма делать с вопросом о государстве. Очевидно, то, что он до сих пор делал, отвергать, разрушить или разложить государство сейчас—и тут то он и попадает в трясины подгосударства: демагогии, дезорганизации, эксов, террора, шкурничества, индивидуализма и преступности (1-ой категории). Очевидно, практически его амплитуда может колебаться между мессианством и подгосударством, теоретически же—держаться лишь последнего.

Выяснив и анализируя вышеуказанным образом, осужденное исторически быть реакционным, анархическое „содержание“, мы его заменили новым изобретенным содержанием, изобретением

реального качественного человечества с его реальной качественной основой Человеко-Человечества, не объединенческого, а заранее единого, не верхушечного, а коренного, прочного, фундаментального (не сверху, а снизу), не политиканской фикции, а изобретенной действительности, не союза шкурников, индивидов, и не поднимая зоологическое до психологического и социального путем возвышения индивидуализма: от семейного, племенного, расового и национального и, далее, классового индивидуализма, наконец, к человечественному индивидуализму, чем получилось бы опять таки лишь колоссальное шкурничество, шкурничество в человечественном масштабе, а с другого конца, с антизоологии, с альтруизма и идеализма (не метафизического, а поведению изобретательного, правоизобретательного), не с естества, а с изобретенного, не с апостериори, а с априори. Но этого еще мало было (и в этом опять таки заключается ошибка подражающих нам анархических групп), ибо анархизм реакционен не только содержанием, но и методом, т. е. тактикой, которой опять таки, если он не уклоняется к социал-демократизму, т. е. к мессианскому ничего-неделанию (чем конечно лишает себя, как сказано, право на существование), впадает в подгосударство. И выхода тут опять нет, кроме изобретения нового, а это новое есть изобретение внегосударственности, которое исковеркать пока еще не успели из анархического лагеря (хотя в нем уже обнаружи-

зается некоторая тенденция и к этому), и которое собственно и есть гвоздь Плана в его отношении к „вне“, к обществу, к государству.

Очевидно, внегосударственность, надо мыслить как всякое изобретение, т. е. как создание того, чего доныне не было. Ея особенность заключается лишь в том, что ее приходится отвоевывать шаг за шагом, — не как другие изобретения, не как язык АО, у естества, а у социального естества, у государства, злоизобретающего, что гораздо труднее. Однако, унывать нечего: хотя официального признания все еще не последовало со стороны комм. госуд. однакож, молчаливое признание и согласие уже два года налицо; и нет сомнения, что идея о внегосударственности, как об единственном правильном решении спора между государством и анархией, которые одинаково неправы, и единственном средстве предупреждения анархической революции, потопления в крови всей цивилизации (хоть лжецивилизации, все же цивилизации), возьмет верх над аффектами борьбы, ожесточенности, насилия и терроризма, и рядом со всеми культурными государствами будет вышиться внегосударственное Человечество. В борьбе партий и государств между собою победят и устоят те из них, которые применят или допустят внегосударственность, как громотвод всех бурь, бунтов, вспышек, мятежей и революций.

Это одно; другое, еще более существенное,

это растущее сознание, что не насилем, оружием, войнами, революциями, принуждением, принудительными законами, а изобретениями, мы приближаемся к идеалу более совершенного общества, тела, духа и проч. В этом отношении наиболее важным и поучительным это искреннее публичное признание Ленина, как величайшего практика революционно-насильственного метода, диктатуры пролетариата, в своей речи о натуральном налоге на X съезде партии коммунистов (Известия или Правда от 16 марта), что искоренить мелкое хозяйство как и кооперацию можно лишь электрификацией и проч., словом, техникой, то, что мы твердили в течение последних 3-лет и что легло в основу Социотехникума. И мы уверены, что более глубокая вздумчивость привели бы его к убеждению, что и борьба с меньшевизмом, с.-ровщиной, как со всякой отсталостью, как и борьба с цеховизмом, профессионализмом, профсоюзничеством, синдикализмом, со шкурничеством, эгоизмом и индивидуализмом, с патриотизмом, национализмом, далее, даже с так называемой преступностью т. е. с преступностью первой категории, по нашему — есть лишь дело техники, глубже и правильнее, изобретательства. Мы убеждены, что все честные государственники и „государственные мужи“ со временем станут на эту точку зрения, с одной стороны, как в том, что к ней скоро и приобщатся все благоразумные анархические или анархизирующие элементы, с другой стороны. Для нас нет никакого сомнения, что более изобретательные (по старому: разумные) головы поймут, что, поднимаясь выше к человечеству, и

класс и государство вписывается в рубрику „мелкого хозяйства“, точнее, в рубрику „мелкости“, т. е. не только мелкохозяйственности но и мелкочеловечия, мелкообщественности, следовательно, антисоциальности („противочеловечественности“), примитивности, естественности, должностующей и могущей быть ликвидируемой лишь новыми изобретениями, средоточием которых не может быть, очевидно, ни один из государственных институтов, а внегосударственная изобретательная, Всеизобретательная, т. е. центральная всех изобретений, задача которой (в своем социальном отделе, называемом нами Человечествоизобретательной, по АО: Бзаатуо) будет ликвидация государства мирным изобретательным путем, шаг за шагом, новыми изобретениями, вытесняя и оттесняя его, заменяя его национальные институты Человечественными, непринудительными, изобретательными. Чем раньше усвоят себе горячие головы (которым воистину нужен душ, буквальная для телоизлечения, для успокоения расшатанной нервной системы, и душ, духоизобретательный, для духолечения) анархизма эту элементарную азбучную истину, что как не насильственным уничтожением воистину уничтожается мелкое хозяйство, так и не разрушением воистину разрушается государство, что не бомбами, не бунтами и не наступательной революцией, а изобретением можно упразднить государство, словом, что дух разрушения не есть дух создания—чем раньше они это усвоят, тем меньше будет виселиц, тюрем, диктаторов и тиранов—меньше крови и меньше мессинской лжи. И чем раньше поймут забронированные закремле-

ванные головы властителей и вообще, государственных, что нечего толкать искателей счастья для Человечества, отфильтруя которых легко получить истинных кристаллизованных находителей, изобретателей счастья для Человечества, на акты безумия, безумного террора, безумных бунтов, демагогии, дезорганизации и проч.—тем обеспеченнее они будут от авантюризма и нежелательных сюрпризов... и общество от лишних сотрясений, выгодных, по более глубокому анализу и трезвому расчету, лишь одним кладбищам.

Для еще более ясного представления о нашем Плате прибавим, как иллюстрацию его (которая, как всякая такого рода, лишь символически и урезанно верна), что тот жалкий ничтожный реакционный (и по „Правде“) Н. Т. отдел Совнархоза, если выбросит его „научность“, как лишнюю мандаринщину, как и претворит слепую тогда и малоподвижную технику в зрячее гибкое и вечноподвигающееся вперед изобретательство, и последнее расширить, не в сравнение с объемом техники, включая в него не только механические и химические изобретения, а все изобретения в областях медицины, гигиены, хозяйства, политики, права, морали, психиатрии, психогигиены и проч., словом, буквально все изобретения, так что изобретательство будет понимаемо, как всеизобретательство, и последнее, несмотря на производимое им глубокую встряску, сотрясение всех основ, в смысле очищения всей культуры от всех залежей религии и науки, от всех теоретизмов и „измов“, мыслить не как яко-бы творческий хаос, а как наивысшую систематизацию, концентрацию, институтизацию и централизацию с согласованием,

точнее, с построением всего согласно Единому определенному Плану (идеалу) изобретения и переизобретения Всего до абсолютной безконечности времени и пространства и проч., тогда вырисуются контуры Всеизобретальни и Человеко-Человечества и Человечество-Человека, как нового бога, истинного бога, изобретателя новой „вселенной“, правильное, всего — так что Всеизобретальня и Человечествоизобретальня на деле покроют друг друга, как некогда в наивысшей наивности человека, в социомагии — и осуществится мечта зари цивилизации.

Такова схема новой цивилизации, которая одна только сможет устранить все бедствия, как социальные, так и биологические, как физические, так и психические, устранив государство из т. н. обществственности, пол и смерть из т. н. тела — жизни, из биологического, падение и планетность из т. н. вселенной, и проч. и проч. — и только единоизобретательно, человечественно-изобретательно, единосистемно и единойинституционно, изобретальнически, словом, всеизобретательно и вечноизобретательно, и одно только абсолютноизобретательно — и ничего кроме него.

Разве не очевидно: эта схема не укладывается в рамках государственности — она была, есть и будет внегосударственна — Человечественна по существу.

Итак, одна широта Всеизобретальни делает невозможным ее включения в государство, уж говоря о том, что как новая цивилизация она не совместима с государственной, хотя бы самой широкой, формой. Узость государства, ничтожная его регуляторская роль, его заменность в одной

социальной сфере, делает его даже недостойным быть соперником Всеизобретальни, того т. н. „космического“ регулятора, долженствующего современем буквально регулировать звездные и солнечные системы (лжесистемы) или, еще больше, изобретать новые, лучшие, — и уже нечего говорить о том сквозном всестороннем и полнообъемном охвате всей человеческой жизни, как человечествоизобретательной (социальной), так и в не меньшей мере, жизнеизобретательной (биологической) и духоизобретательной (психологической), который им практикуется, — правда непринудительно, но зато именно полно, совершенно, строгойше, аккуратнейше и с тенденцией до абсолютности.

И на этом примере опять выясняется диаметрально противоположность нашего идеала — Плана, Плана Всеизобретательства, анархическим чаяниям и вождениям неуправленчества, нерегулировки, непланомерности, безсистемности, неинститутности, „с бухты-барахты“, экспромта, наумовзбродства, настроенчества, лихости, мажоральничания, кривляния и на-выверотчины.

Выясняется, что мы не только не анархисты, но даже антианархисты, ан-анархисты, самые крайние принципиальные противники всякого рода анархии. А между тем „товарищи“ анархисты все еще не могут мириться с мыслью, что мы не анархисты и продолжают, по старой памяти, причислять нас к лику „святых анархии“. Верно только то, что одно время мы были заражены этой болезнью, но именно поэтому мы и изобрели сыворотку внегосударственности, кото-

рая излечивает от анархической болезни, устраняя и ее слабейшие симптомы, как то демагогию и дезорганизацию, и целебность которой мы раньше всего испытали на самом себе, а после лишь и на других, для каковой цели и служит изобретальня, как социально-лечебный институт, как социальная лечебница. Ныне же у нас одно желание и одно стремление, чтоб Всеизобретальне было бы доставлено—предоставлено побольше той сыворотки, которую мы называем внесоциальностью, в целях наибольшей прививки ее „товарищам“, как и всем тем, желающим приобрести, так сказать, иммунитет против „социальных болезней“, вообще, и против эпидемии „анархии“, в особенности.

С этой точки зрения оказывается, что с таким же правом, т. е. с такой нелепостью можно было бы, если непременно пожелать, причислить нас к государственным, и даже рассматривать нас как сверхгосударственных или реформаторов государства, и, в противовес моему ощупному пананархизму, образовать в том же духе такой же неправильный панполитизм или омниимпериализм, универсал-империализм, т. е. всегогосударственность. И признаться, что это имело бы больше смысла; правда, это было бы для нас и прокрустовым ложем, в смысле втискивания и урезывания; это было бы для нас и духовной голгофой, ибо мы скорее согласились бы пойти на голгофу, чем стать соучастником тех ужасов, которые творятся всяким государством. Но несколько не скрываем, что этот эшафот среди бела дня, на Советской площади, который, как таковой (как открытый эшафот), прекрасно символизирует государство, как организованное насилие, нам нынче

„улыбается“ больше, чем черный неопределенный мутный омут анархии. И если нам суждено было бы или будет суждено быть казненным, то всегда предпочтем быть казненным организованно, государственно, нежели быть задушенным, скопленным, зашитым в мешке и припрятанным где-то в сарае (метод, практиковавшийся в одном анархическом особняке в Петрограде, на Петроградской стороне, где при обыске ночью оказался кто-то зашитый в мешке, который наречен был, для умывания рук перед властью—„провокатором“).

Но причисление нас к государству есть очевидная нелепость, так как мы не облечены никакой властью, отрицаем и гнушаемся всякого насилия и проч., оно и невозможно, ибо государство есть что то сравнительно организованное, планомерное, где можно получить справку и проч. И если мы не значимся ни в каком списке какого либо государственного учреждения, будучи даже, вообще, не приписаны в государстве, то, очевидно, титул „всегогосударственный“, универсал-империалист, нам не подходит. А если так, то что уж говорить о названии „пананархист“, всеанархист, и, вообще, анархист, которым все еще угодно некоторым окрестить нас.

И если это возможно, терпится, то это лишь, благодаря тому столпотворению, той невероятной путанице, царящей в анархизме, благодаря которой туда можно втиснуть что угодно и кого угодно.

Следовательно, как с одной стороны, из-за одного того, что мы против анархии еще не следуем, что мы за государство, что мы государственники, так и из-за одного того, что мы против государства не следуем, что мы за анархию, что мы

анархисты. И на самом деле, у нас как раз наоборот: именно потому что я против государства, я и против анархии, которая его лишь укрепляет, ибо я убежден, что в тот день, когда окончательно убьем анархию, не насильственно, а каждый в себе, убьем шкурника в себе, личность, антисоциальное естество, умрет государство из-за ненужности, из-за лишности и из-за очевидной тогда его шкурности (национальной или классовой); и наоборот: именно потому, что я совершенно против анархии (не наполовину, как государство), я и против государства, которое своим насильем, своими кнутными ударами по „шкуре“ болью лишь усугубляет сознание „моей“ шкуры, привлекая и сосредоточивая на ней внимание индивида, в то время, что единственным правильным методом лечения от болезни „личности“ есть отвлечение внимания от личного и шкурного, подвергая их гипнотическому забвению посредством духо-нравоизобретательной альтруизации, т. е. духо-нраво-очеловечествления.

Поэтому мы и убеждены, что общество и индивид, государство и анархия, суть два соотносительных понятия, две силы, борющиеся, правда, между собою, но зато и солидаризирующиеся, ибо одно немыслимо без другого. Не будь преступника, шкурника, индивидуалиста, давно уж государства не было бы, и не будь государства, может, уж давным давно не было бы преступника, шкурника, индивидуалиста. Как буржуазия немыслима без пролетариата, и пролетариат без буржуазии, так что они—по моему—суть два экономических шкурника (отличающихся лишь величиной своего шкурничества,

которая у пролетариата пока что меньше, чем у буржуазии), так анархия и государство (индивид и общество) представляют собою двух политических шкурников (отличающихся опять-таки лишь величиной своего шкурничества, которая пока что у последнего, т. е. у государства, меньше чем у первого, т. е. у анархии).

И как, если мы, примерно, объявляем о нашем недовольстве даже пролетариатом, который оказывается ныне не на высоте коммунизма, изменяя ему после своей победы, как некогда буржуазия—своему либерализму, мешая, таким образом, своим шкурничеством, коммунистическому государству ближе подойти к государственному коммунизму, то уж, очевидно, о буржуазии и феодалах, об этих архिशкурниках, говорить нечего. Точно так же, если нас не может удовлетворить даже коммунистическое государство, если оно нас шокирует своим вечно раз'езжающим на рысаках с любовницами или жинками чиновем, то что уже говорить об архिशкурниках анархии с ее воскресшими средневековыми цеховиками (синдикалистами) или всем рыцарями грабежа по большой дороге (индивидуалистами, эксистами, бандитами, полубандитами с их мадоннами и проч. и проч.).

Но я не только против анархизма, я и оспариваю весь этот термин, ибо, по моему теперешнему разумению, даже само слово „анархия“ неправильно.

Вообще, весь этот способ выражения, уж одна терминология сама представляет собою анархию, хаос, путаницу, так что анархизм „анархичен“, путан в самом его названии, в котором одном уже кроется логическая анархия, беспринцип-

ность. И недаром анархизм выстроил себе такое алогическое имя, ибо оно удобно для предельвания всего, что угодно, и припрятывания себя за спиной разных „великих людей“, которых всегда легко объявить анархистами, если они только не государственники. На самом же деле по логическому правилу определение не может быть отрицательным; термин же есть своего рода определение, и оно не может допустить такой неопределенности, вроде слова „анархист“. Представьте себе, что за путаница получилась бы, если и другие течения и партии практиковали бы эту словесную анархию. Скажем, коммунист бы назвался акапиталистом, не капиталистом, но ведь и помещик некапиталист; крайний реакционер, крайний консерватор, тоже порой против капитала, и тогда коммунист попал бы с ним в одну рубрику. Или возьмем термин амонархист для обозначения коммуниста или социалиста, которым насилу, несмотря на все их протесты, прилепили бы этот ярлык, ссылаясь на то, что они-де не есть монархисты, против чего и ничего возражать будто они и не смогут. Но дело ведь не в том, что коммунист, примерно, не монархист, а в том, что он и не кадет, и не меньшевик и т. д., так что этим признаком его обозначить нельзя, ибо он не существенный.

Отсюда вывод, что для обозначения когонибудь или чегонибудь надо дать положительный и притом существенный признак; а тогда оказывается, что слово „анархист“ не только непригодно для нас, но, вообще, ни для кого (если только под ним понимать буквально лишь безвластие), что не мешает ему, конечно, быть

боевым кличем всех тех, которых он и плеяет своей безалаберностью, всех тех, у которых отсутствие всяких твердых убеждений и идеалов, считается добродетелью, признаком зрелой „личности“; всех тех отбросов духа, которые всякого человека, положительного, с твердыми убеждениями, живущего по Плану, клеймят, как „фанатика“.

Но одно выяснилось, что когда мы говорим о внегосударственности, то в еще большей мере мы под этим понимаем „вне анархии“, ибо, по нашему, самое скверное право лучше бесправия, насильственный порядок—беспорядка, угнетающая система—бессистемности, лжепринципы—беспринципности, партийность—беспартийности, лженравственность—безнравственности, религиозность—распущенности, научность— невежества и варварства.

И эта моя оценка не произвольная; она основывается на моей социальной лестнице, точнее, на моей шкале антисоциальностей (как и, добавим, на шкале антикультурностей), так что, как внегосударственность, так и ее отмежевание от анархии и проч., обуславливается ее местонахождением на вершине шкалы, точнее, на второй одной единственной шкале настоящей общест-венности, где обитает Человечество.

Внегосударственность, следовательно, не есть анархическое освобождение личности от Человечества, а наоборот, освобождение Человечества от личности и проч., словом, от всех десяти противочеловечеств. Далее, внегосударственность вовсе не есть свобода, а долг: обязанность исполнения своего долга перед Человечеством,—это истинная изобретенная свобода, долг изобретения, не

естество либерализма, демократизма, федерализма и проч. Внегосударственность, очевидно, имеет право на существование лишь, когда она является завершением всех прочих „вне“, более низших „вне“ и „анти“, а именно вне анархии, т. е. вне преступности, вне индивидуальности, вне семейности, вне собственности, вне мелко-хозяйничества, вне расы, вне национальности, вне отечественности, вне стран, вне классовости, вне наемничества, вне цеховизма, профсоюзничества, синдикализма и проч. и проч. А это означает изобретать Человечество,—изобретать его в себе, кругом себя и для всего Человечества, даже для лжечеловечества, для несознательного человечества.

Изобретение внегосударственности, как формы, немислимо без конкретного содержания надгосударственного, т. е. без Человечества. Для внегосударственности *de juri* надо, разумеется, быть внегосударственным *de facto*.

Человечество, внегосударственность и анти-анархизм сливаются, таким образом, воедино, образуя нашу тройцу, нашу триединость, т. е. наше триединое социальное изобретение—Человечество-изобретение.

Остается нам более точно формулировать и внеклассовость, которую вкладываем во внегосударственность. Конечно для путаников анархизма с его венигретами: анархо-синдикализм-коммунизм-индивидуализм, кооперация-спекуляция и проч. и проч., все прекрасно сочетается, словно, фальшиво-монетчество с анархией. Для бандитов, воров духа, универсал-плагиаторов, универсал-невещд, удачно произведших „экспроприацию экспроприатора духа“, и у которых их „универсал“

висит на „патриотической“ бороде Кропоткина (см. их „Универсал“ № 1): лавочник—рабочий класс, русский народ—универсал, беспринципность и анархо-икона—тождественны.

Что касается же методов критики анархизма, которым А. Гордин наострился в моей школе, в Социотехникуме, и ныне пускает в ход ораторским своим талантом, я могу лишь сожалеть, что они были усвоены им слишком рано в незрелой форме моего реформаторства и половинчатости. Изжить анархическую язву надо и можно лишь окончательно и бесповоротно и всецело.

Оставим потому всем этим универсал-венигретам, интер-венигретам и прочим анархо-венигретам, еще вывенигретиться, и перейдем к анархо-синдикализму, единственному представителю истинно-классовой „рабочей“ психологии, у которого и анархизм на месте, как манчестерство у буржуазии.

Первым делом поставим вопрос: почему и каким это образом анархо-синдикализм, не обладая, очевидно, никакой политической силой, не умевший одухотворить и увлечь рабочих ни до революции, ни по революции, ни за весь период отчаянной борьбы, вдруг вынырнул из небытия, став серьезной угрозой, чуть ли не опасностью для коммунистического государства? А вот ответ. В тех странах, где рабочий был сильно угнетен, очень прижат и экономически слаб, его нельзя было двинуть в бой под знаменем чисто-классового тред-юнионизма, а нужно было ему создать классовую идеологию с человечесственным ореолом. Эту задачу блестяще выполнил Маркс теоретически и не менее блестяще выполнил Ленин—практически. В т. н. России, где рабочему классу

пришлось вынести тяготы царизма и совершить такой драматический скачок: из монархии в коммунизм,—о синдикализме, идеологии рабочих, не только обедающих, но и завтракающих и ужинающих мясо, не могло быть и речи.

Эта идеология в самый раз для истари республиканских стран, где буржуазный либерализм незаметно эволюционно с маленьким нажимом, который, возможно, наречется громким именем „социальной революцией“, может перейти в рабочий либерализм: через участие в прибылях—в анархо-синдикализм, при котором место хозяина-фабриканта займет хозяйственная демократия, толпа рабочих-хозяичиков, с выборными директорствами, которые шкурнически снюхавшись между собою, затеют локаут против общества, т. е. синдикаты, которые, в свою очередь, наладят свою федерацию, и последняя—конфедерацию и кон-кон-кон до бесконечности—все для большего барышничества и наилучшей „обработки“ общества. Синдикат буржуа с его эгоистически классовой физиономией остается тем же, он лишь передается более широкой группе шкурников, именуемых рабочими. Никакие общественные интересы, уже не говоря о человеческих, в счет не принимаются; лишь фабрикантские барыши, получаемые от эксплуатации гения, т. е. изобретательности, Человечества, становятся уделом крупной массы мелко-фабрикантов. Рабочий и фабрикант сливаются в одном лице с победой психологии последнего. „Все мое“—говорит новый буржуа, загребая себе в карман результаты многотысячелетней изобретательности Человечества.

Но пошел ли даже сам рабочий на смерть

во имя этой идеи, способна ли она одухотворить на длительную смертельную борьбу, на жертвы, может ли она рассчитывать на героизм, на симпатию других слоев. Очевидно, угнетенному рабочему нужен был идеал коммунизма, идеал неклассовый, идеал упразднения классов, идеал экономического освобождения всего общества.

Но все это до победы и во время острой борьбы. Но когда рабочий класс победил и предвидится мирная эксплуатация победы, его шкурническая часть, т. е. большинство, не хочет делиться с обществом, с государством, даже с его государством, с рабочим государством, а непременно желает забрать все себе, повторяя этим историю буржуазии, ратовавшей сначала до победы и ее реализации для всех, а по победе присвоившей себе все. Вот где тайна „анархо-синдикалистического уклона“, уклона в „шкуру“, в „естество“. В споре между синдикализмом и коммунизмом, мы, таким образом, стоим за последний, за государственный коммунизм, который именно тем и хорош, что он (как голоса анархисты) анти-коммунизм, анти-общинный коммунизм, анти-взаимопомощный, за плечами которого именно поэтому для нас трепещет мирно-голубиная душа неклассового Человечества, несмотря на то, что он весь обгажен кровью виновных и невинных его жертв.

Но мы для себя забраковываем и слово „коммунизм“, из которого, если к нему не приставляется „государственный“, нам чудится первобытность (доиндивидуализм, табун, первобытная коммуна) и полупервобытность, т. е. мелкохозяйничество, точнее мелкошкурничество (анархические

коммуны, свободные договоры барышничества, взаимопомощи бестий и проч. анархические блага и прелести), а если к нему прибавляется прилагательное: „государственный“, то он нас отпугивает своим крушно-шкурничеством (организованным насилием, организованной анархией), национальными и территориальными рамками, отечественностью. Исходя из этого, мы на место сбивчивого термина „коммунизм“ ставим „человечесственность“, слово, которое говорит всем ясно: не мне и не тебе, не вам и не нам, и не всем нам; не „общее“, не общинное и не государственное, значит, абсолютно внекоммунальное хозяйство.

Но когда нам предлагают кропоткинский пошленький анархо-коммунизм, мы уж лучше солидаризуемся (как некогда Маркс с либералами против феодалов) с государственным коммунизмом, лишь перешагнув и перерадив который мы и перешли к надкоммунизму, к (экономической) Человечественности, т. е. к хозяйству, не принадлежащему ни одному из жителей земного шара и не всем им вместе (для раздела, для шкурничества, для противоизобретательства и т. п.), а Человечеству, как абсолютно изобретенному и изобретающему, следовательно, Человечественности, Человечеству „в надсебе“, в Надабсолюте. Человечество, таким образом, мыслится мною, как Человечественность, т. е. как План (Идеал), вечно планируемый, как Изобретение, вечно изобретаемое, до надпространства и надвремени, словом, до Надабсолюта.

Итак, антианархизм — антисоциализм — антикоммунизм — внегосударственность — Человечесственность.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАТЕЛЬНЯ И ЕЯ ЗАДАЧИ I. ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАТЕЛЬНЯ

1. Человечествоизобретательня это внегосударственное Человечество, (т. е. общество, не разделенное на семьи, народы, классы и проч.), устроенное на всеизобретательных началах, проще, искусственное общество, в котором нет ни наемного труда, ни частной, ни государственной собственности, ни власти, ни насилия, ни домашнего хозяйства, ни домашнего воспитания, ни деревни, ни крестьянства, ни рабочих, ни отечества, ни стран, ни областничества, ни народничества, ни национальностей, ни национальных языков, ни семьи и проч. и проч., словом, нет всех угнетений и всего зла, нет и всех отсталостей и пережитков старого, что в государственном естественном и полустественном обществе.

2. Человечествоизобретательня это искусственное общество, в котором нет ни тюрем, ни преступности, ни милиционеров, ни воров, ни проститутток, ни развратников, ни пьяниц, ни курильщиков и проч. нечистоты, что в государственном естественном обществе.

3. Человечествоизобретательня это и культурное единение людей, отвергающих всякую религию и всякую науку и искусство.

4. Человечествоизобретальня это единая цивилизация, одна всеизобретательная цивилизация и культура для всего человечества, для настоящего Человечества, не разделяющегося на народы и национальности, на национальные культуры и языки, на классы и классовые психологии и культуры.

5. Человечествоизобретальня есть и экспериментальный институт социального изобретательства: это социальная лаборатория для производства социальных изобретательственных опытов, т. е. инстинкт социальных изобретений, отделение Всеизобретальни.

6. Человечествоизобретальня есть и аппарат вольного управления обществом, т. е. управления институтами, а не людьми.

7. Институты Человечества вольно-изобретально управляются Человечествоизобретальней, посредством изобретаемых и усовершенствовуемых Планов.

8. Человечествоизобретальня, таким образом, есть изобретенное общество едино-человечественных изобретенных культуры, языка, хозяйства, питания и проч. и проч., словом, изобретенное общество (Человечество), в котором все регулируется системами изобретений, т. е., всеизобретательно.

9. Человечествоизобретальня, в широком смысле, равнозначаща со Всеизобретальней, и означает институт изобретения не только нового

общества, но и нового тела (жизни), нового „духа“ и новой „вселенной“.

II. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАЛЬНИ.

10. Преобразовать капиталистическую и социалистическую форму производства в изобретательственную, т. е. заменить и капитал и труд — одним изобретением и усовершенствованием, словом, отнесение и упразднение производства изобретательством.

11. Изобретательственное хозяйство есть единое Человечественное хозяйство без разделения на город и деревни (без крестьянства, и рабочего класса), на нации, государства и части света.

12. Изобретательственное хозяйство регулируется Всеизобретальней посредством своих Изобретений и Предизобретений (Планов).

13. Отменить рабочее время, заменив его вечным постоянным изобретательством и усовершенствованием, ограничивающимся и регулируемым лишь Изобретениями и Предизобретениями (Планами), Жизнеизобретальней и Духоизобретальней /Изобретоизобретальней/.

14. Одухотворение труда /пока, до его упразднения изобретательством/, а главное, изобретательства и усовершенствования, помимо сознания гармонии интересов и сознания служения Человечеству, сознанием изобретения для всего Человечества и содействия торжеству Чело-

чества над „вселенной“, вернее, над „всем“, т. е. расширению Человечествоизобретальни в Всеизобретальню.

15. Изобретательное хозяйство, это хозяйство сверх-города, изобретгорода, зводного от деревни в питания и в изобретательном своем производстве.

III. КУЛЬТУРНАЯ ЗАДАЧА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ.

16. Бороться со всеми видами предрассудков современного общества, искоренить всякую веру в религию, в бога, в науку, в природу, в социализм и анархизм и проч.—вот задача Человечества Внегосударственников, как Человечества атеистов, афизистов, т. е. отрицателей бога и природы. Бороться с омертвелой специализацией, с автоматическим трудом без усовершенствования и изобретения, словом, с техникой (не изобретательной), с грубым техникализмом.

17. Гордо и прочно водрузить знамя новой цивилизации, всеизобретательства: вещеизобретательства или явленииизобретательства (вместо физики), живоизобретательства (на место биологии), человечествоизобретательства (на место социологии) и духоизобретательства (на место психологии).

18. Преобразовать всю человеческую жизнь на новых изобретательственных началах (тем уже и правоизобретательственных началах).

19. Бороться и искоренить все национальные, международные или классовые культуры,

все национальные и международные языки, как противозобретательственные, противочеловечественные, сеющие рознь и вражду между людьми.

20. Искоренить всякую религию и искусство и всякую науку, не только как ложь, но и как национальный или классовый сепаратизм, фанатизм и шовинизм, ибо всякая религия и наука—или национальна (английская физика и немецкая физика, английская психология и немецкая психология и т. п.), или классовая [христианство и схоластика, марксизм и пролетарская наука].

21. Противопоставить хаосу национальных, государственных и классовых культур единую культуру единого человечества, человеко-человечественную—это Всеизобретательство.

22. Противопоставить вавилонскому столпотворению языков, азбук и проч. единый устный язык единого Человечества АО, и дальше, единый письменный язык Скороизобретопись (скоромысленпись).

23. Удалить человека, возможно больше и глубже, от естества и от связанного с ним варварства, приблизить и сдружить его с изобретательством, с искусственностью, с новоцивилизацией, с человечностью и правоусовершенствованностью.

IV. ПРАВСТВЕННАЯ ЗАДАЧА ВСЕИЗБРЕТАЛЬНИ.

24. Воспитать честных, стойких, неутомимых, жертвоготовных, непримиримых и неустрашимых бойцов за счастье человечества, за новую цивилизацию.

лизацию,—но не разрушителей, а создателей,—
выше, изобретателей, всеизобретателей.

25. Человечествоизобретальня отвергает убойное питание, но не возвращается обратно к реакционному вегетарианству, а стремится к единому изобретенному питанию, единому всеобщему пептону.

26. Человечествоизобретальня стремится к изобретению нового человека, Всеизобретателя, свободного от всякого рабства, и от рабства всех пороков старого и современного мира, как то: от пьянства, курения, разврата, семьи, частной собственности, отечества, национальности, эгоизма и проч., и свободно, надразумно, изобретательно, произвольно-планомерно строящего свою жизнь и все кругом себя „мир“, „общество“, „тело“, и „дух“.

27. Каждый Внегосударственник-изобретатель должен стремиться стать нравозобретателем и жизнеизобретателем, творцом своей собственной жизни на новых изобретательственных началах,—словом, изобретать себя и тем уж—человечество.

В Т О Р О Й О Т Д Е Л .

Отношение Человечествоизобретальни к антисоциальным формам.

V. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАЛЬНИ К ГОСУДАРСТВУ.

28. Человечествоизобретальня стремится не к уничтожению государства, а к мирному оттесне-

нию его, со-временем, к замене его принудительных институтов и аппаратов, по мере роста и успеха Человечествоизобретательства и расширения Всеизобретальни, вольными изобретательскими надгосударственными институтами и аппаратами.

29. Человечествоизобретальня не вмешивается в дела государства, если государство не вмешивается в дела Человечествоизобретальни, ибо Бэо, т. е. Человечество, признавая свое право на эктархию, тем самым отрывается от государства.

30. Человечествоизобретальня отказывается от насилия, в какой бы то ни было форме (не организованной или организованной), и от стремления к насилию в будущем, т. е. от подготовки масс для будущей насильственно-наступательной анархической революции и т. п.

31. Человечествоизобретальня, прокламируя и осуществляя свою полную независимость от какого бы то ни было государства и страны, отказывается и от демагогической агитации против государства, как такового, ведя лишь чисто положительную пропаганду в пользу мирного внегосударственного и надгосударственного человеческого изобретательства.

VI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ К ПОДГОСУДАРСТВУ [эксажтеррору, самосудам, насилию, хулиганству, дезорганизации, преступности и демагогии].

32. Внегосударственное Человечество, стоя на точке зрения прогрессивной надгосударствен-

ности, отвергает приемы борьбы анархизма, считая их реакционными.

33. Внегосударственное Человечество отвергает всякий суд, но оно признает, что суд, существующий в государстве, лучше, морально и человечественно выше, самосуда или анархического произвола.

34. Внегосударственное Человечество клеймит всякие экссы и им подобные действия, как зло, худшее, чем государственное насилие, ибо простое насилие хуже организованного насилия.

35. Человечество Внегосударственников отвергает всякий захват, но считает, что государственная организованная экспроприация, реквизиция, лучше, изобретательнее, чем простые неорганизованные анархические захваты.

36. Внегосударственное Человечество отвергает всякую дезорганизацию, демагогию, считая их ниже и хуже, содержащими больше насилия, чем государство. Всякая дезорганизация есть деспотия, словом, подгосударство. Всякая демагогия есть дезорганизация, разложение, антисоциальность, противочеловечественность, словом, подгосударство.

37. Всякий беспорядок, разруха, злоупотребление усиливает диктатуру государственности, ибо из беспорядка и права сильного выросло государство.

38. Всякая преступность поддерживает и оправдывает государственное насилие, и потому

воры, хулиганы, мошенники и т. п. являются самыми заклятыми врагами Человечества.

39. Внегосударственное Человечество отвергая государство, точнее, государственность, еще больше отвергает подгосударство и подгосударственность.

40. Но как по отношению к государству Внегосударственное Человечество стоит принципиально не за уничтожение и разрушение его, а за вытеснение, за положительно-созидательную борьбу, собственно за борьбу не с государством, а с питающими его корнями (в противовес реакционному и слепому анархизму, борющемуся с государством и сам питающему корни государственности, культивируя под-государство), так и по отношению к под-государству, рассматривая его как выродившуюся, болезненную форму старо-общественности, оно, т. е. Человечество Внегосударственников стоит за изобретательственное искоренение преступности, т. е. за безнасильственное оздоровление преступников, противочеловечественных элементов и демагогических элементов, путем духоизобретательного, нравоизобретательного и человечествоизобретательного воздействия, создавая для них новую среду и создавая из них новых людей, каковую задачу ставит себе Человечествоусовершенствовальня (отделение Человечествоизобретальни) своими особыми лечебными изобретениями и планами.

VII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ К АНАРХИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

41. Человечество Внегосударственников, переоценивая анархические ценности вышеуказанным образом, отвергает какую-бы то ни было связь с анархическими организациями, считая их постольку, поскольку они осуществляют свои цели путем пропаганды действием, под-государством или полу-государством, и постольку, поскольку они ограничиваются пока лишь пропагандой словом, — будущим государством или под-государством, словом, под-государством в силе (в потенции).

42. Внегосударственное Человечество потому и считает для себя более возможным и правительственным войти в соглашение и сношение уж лучше с прогрессивным государством, чем с реакционными анархическими организациями, которые порою кишая кишат сомнительными типами, пьяницами, развратниками и проч. в такой мере, что оставляют за собою государство.

43. Внегосударственное Человечество потому и бойкотирует самым категорическим образом все анархические организации, как возбудителей государственности, как микробов, питающих болезнь государственности; и Человечество Всеизобретателей, рассматривая себя внегосударственным, тем более считает себя вне всякого под-государства, вне реакционного или преступного

анархизма; и каждый отдельный его изобретатель, выходя из государства, тем же самым, и еще в большей степени, выходит из под-государства, порывая всякия связи со старо-анархическими организациями, союзами и даже лицами (преступного, дезорганизаторского и демагогического типа).

44. Внегосударственное Человечество бойкотирует и так называемое „анархическое движение“, суть которого заключается в усилении подгосударственных тенденций в обществе над государственными тенденциями. Задача же Всеизобретатели это — поощрять, творить, создавать и изобретать над-государственное, — задача диаметрально-противоположная анархическим поползновениям.

VIII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ И АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМУ

45. Человечество, рассматривая наемный труд, всякую работу по найму, как проституцию, как торговлю телом, как продажу отправления физиологической функции организма, отвергает и все проституточные институты, в роде наемнических профессиональных союзов, рабочих синдикатов, продающих человеческое тело, трудовую функцию, оптом и в розницу.

46. Наемнический профессиональный союз и лице-революционный синдикат есть пережиток цеха, профессиональная каста, он не защищает

интересов Человечества, а ремесла.

47 Профессиональный союз или синдикат, как таковой, как соединение людей не по желанию, не по симпатиям и убеждениям — есть рабство, гегемония ремесла над человеком (следовательно, подпартия). Это союз рабов желудка, тушек, безвольных, ничтожных существ, шкурнических элементов, любящих лишь жрать и расслаживаться.

48. По человеествоизобретательной (на старом языке: социологической) своей конструкции профессиональные союзы и синдикаты ниже государства и потому входят в категорию экономического „подгосударства“, так что защитники профессиональных союзов против государства суть реакционеры, и если таковыми оказываются анархисты, то они лишь оправдывают общую реакционную линию анархизма.

IX ОТНОШЕНИЕ НАДКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ДОКАПИТАЛИЗМУ И ПОДКАПИТАЛИЗМУ (мелкособственничеству, кооперации и т. п.).

49. С морале-изобретательной точки зрения надгосударственное Человечество одинаково осуждает все формы обществности, кроме человеествоизобретательной, устанавливая, однако, для своих симпатий обратную реакционному анархизму деградацию: 1) кустарничество-мелкохозяйничество, 2) буржуазно-капиталистический строй,

3) кооперация, 4) государственно-коммунистический строй, 5) человечествовно-изобретательный, вообще, всеизобретательный строй.

50. Морале-изобретательная деградация соответствует общей человеествоизобретательной (по старому: социологической) конструкции, осуждающей и усовершенствующей по мере восхождения по лестнице обществности, так что рост государства есть и стихийный зачаточный рост человеествоизобретательства в естественных ненормальных условиях и в урезанно-уродливом виде.

X. ОТНОШЕНИЕ ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ-ВСЕИЗБРЕТАТЕЛЕЙ К ДЕНЬГАМ И ПОДДЕНЬГАМ (обмену).

51. В Едином Человечестве отмена денежной системы является не-религиозного и лже-моралистического, реакционного, антиизобретательного осуждения денег, как презренного металла, а результатом отмены (внутри человечества, т. е. между Всеизобретателями) наемного труда, рабочего времени, купли-продажи и проч., словом, вследствие перехода к единому хозяйственному строю, к человечествовному изобретенному хозяйству, строю не концентрации капиталов, а абсолютного единства всех разветвлений хозяйства. Деньги же, сами по себе, являются важным капиталистическим изобретением, в сравнении с которым простой товаро-обмен есть отсталость,

траты времени и сил, и следовательно, гораздо большая безнравственность, чем деньги.

52. Надкапиталистическое Человечество, исключая из своего внутреннего обихода деньги, еще в большей мере отрывается от внутреннего обмена, как от под-капитализма, из которого вырастает капитализм, как от подденег, из которых вырастают деньги.

XI. ОТНОШЕНИЕ НАДПОЛОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ-ВСЕИЗобрЕ-ТАТЕЛЕЙ К СЕМЬЕ.

53. Семья есть до-государство, из которого выросло государство.

54. Семья есть оплот религии, культа предков, оплот мещанства, обиталище тупости, ограничье всяких предрассудков.

55. Семья есть очаг самого грубого эгоизма; семья безнравственна.

56. Эгоизм, на который опирается частная собственность и прочие пороки семьи, есть преступность, антисоциальность второго порядка и вторая нога государственности; государственное насилие заставляет семейных эгоистов (напр., крестьян) стать незолыми альтруистами (напр., отдать часть своего хлеба голодающему городу). Реквизиция или обложение налогами и есть государственная насильственная альтруизация.

57. Штирнер и Ницше, как все прочие проповедники, теоретики и практики эгоизма—суть догосударственники.

58. Семейные суть догосударственники (но хуже их бросающие своих детей).

59. Человечествоизобретательна есть наивысший безгосударственный и надгосударственный добровольный самоизобретательный альтруизм.

60. Изобретательна борется не против реквизиции и налогов, а против их корня, против семьи, не против государственного полуальтруизма, а против кулацко-семейного эгоизма.

61. Семья есть клоака, публичный дом, место востоянного самого разнузданного узаконенного, выдаваемого за добродетель разврата.

62. Семья ныне есть антисоциальность, противочеловечественность.

63. Семья есть воровское гнездо, куда семьянин стаскивает-утаскивает все от общества, от Человечества. Семья есть помойная яма частной собственности. „Родные“—это шайка бандитов, воров, крадущих у Человечества.

64. Надполовое всеизобретательное Человечество, сознавая антагонизм семьи и общества, говорит: или семья или Человечество. Средины нет.

65. Семья противоизобретательно основывается на домашнем хозяйстве, на порабощении колчеловечества, всех женщин.

66. Семья—есть и разбойничий вертеп, там убивается, сокращается человеческая жизнь развратом, убивается женщина многодеторождением.

67. Семья—самый заклятый враг всеизобретательства и Человечества, ибо она есть самое

деспотическое и самое естественное общество.

68. Семья, колено, род, племя, национальность, государство, класс, Человечество, Человечествоизобретальня,— вот восходящие ступени общества к человечествоизобретательству и нравозобретательству, к искусственному и альтруистическому обществу, т. е. к Человечеству.

ХII. ОТНОШЕНИЕ НАДСЕМЕЙНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЯ К ПОДСЕМЬЕ

69. Всеизобретальня, сознавая, что государственность может быть ликвидирована лишь по исчезновении преступности и что преступность исчезнет лишь по исчезновении разврата и пьянства, борется преимущественно против разврата и пьянства, два мутных источника преступности.

70. Всеизобретальня рассматривает свободную любовь, как смешанную форму публичной и семейной проституции, именно, как семейно-публичную проституцию.

71. Все преступления совершаются развратниками (самые тяжкие преступления совершаются в „развратном виде“) и пьяницами; каждый преступник—развратник и каждый развратник, если он еще не преступник, то он кандидат в преступники, так что анархизм, с своей проповедью „свободной любви“ и тут соприкасается с преступничеством.

72. Всеизобретальня предпочитает семью свободной любви, т. е. подсемье, как он пред-

почитает государство подгосударству и догосударству, в противовес анархизму, предпочитающему подсемью семье, как он и предпочитает подгосударство и подкапитализм (мелкособственничество) государству и капитализму.

73. Надполовое Человечество предпочитает моногамию (одноженство) и моноандрию (одному-жие) полигамии (многоженству) и полиандрии (многомужью).

74. Противосемейное Человечество предпочитает пожизненный союз мужчины с женщиной, чисто моногамную семью, свободной любви, ближе лежащей к публичной проституции.

75. Надгосударственное надполое Человечество, стоящее над семьей с ее домашней проституцией, тем более стоит над полупубличной проституцией, так называемой „свободной любовью“, как и над публичной проституцией.

ХIII. ОТНОШЕНИЕ ВНЕСТРАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ОТЕЧЕСТВУ.

76. Человечествоизобретальня, как искусственное общество, отвергает всякое подразделение людей на соотечественников и чужих, как пережиток естества, варварства.

77. Всеизобретальня, как Внестранное Человечество, не признает и не знает никакой России, Украины, Польши, Германии, Франции, Англии, названия лишние и вредные, долженствующие быть изъяты из употребления и заменены чисто географическими терминами, указывающими на

климатические различия, которые в свою очередь, со временем, будут устранены погодоизобретательством и климатоизобретательством.

78. Изобретальня рассматривает отечество, как „вакханалию“ разврата и пьянства (вследствие войны и походов), как грабеж и разбой (ибо всякое отечество было добыто вырезыванием туземцев и захватом их имущества).

79. Изобретальня отрывается от отечества и, как от частной собственности, территориальной собственности, частной собственности народа, уворяющего его или ее, (т. е. отечество-территорию) у Человечества.

XIV. ОТНОШЕНИЕ ПРОТИВООТЕЧЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПОДОТЕЧЕСТВУ (областничеству, местничеству, федерализму и проч.).

80. Изобретальня, отвергая отечество, тем более отвергает подотечество, подразделение людей по областям, местностям, деревням и селам, как это делал реакционный анархизм.

81. Всякое местничество, всякий федерализм есть до-патриотизм и подпатриотизм, самый низкий и скверный вид патриотизма; а патриотизм — убийца, мясник народов, преступник-поджигатель мировых пожаров крови.

82. Всякий федерализм есть изъятие себя, своего крайка, из Человечества, разобщение от всех, от всего Человечества и присоединение себя к лицам, с которыми ничего общего не имеешь, кроме того, что ты родился с ними под одной,

разбойничьей эгидой, что ты упражнялся или твои предки упражнялись с ними в воровстве, в грабежах, в поджогах и убийствах.

83. Власть на местах потому рассматривается Изобретальнею как наихудшая деспотия (произвол), как зло, худшее, чем власть в центре.

84. Власть на местах это — власть естества над искусственным, власть провинции над центром, мелко-государственности, областничества над крупным государством, власть деревни над городом, власть реакционного крестьянства над сравнительно более прогрессивным рабочим классом, власть предрасудка над свободомыслием, власть доспециализации над специализацией.

85. Надгосударственное изобретательное Человечество относится еще более отрицательно к многовластию, чем к единовластию, к коллегиальности, чем к единоличию, ибо при многовластии больше властей и при коллегиальности больше деспотов, следовательно, больше насилия и произвола на земле.

XV. ОТНОШЕНИЕ ПРОТЯВОНАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К КРУПНО-СЕМЬЕ И ПОДГРАЖДАНСТВУ (народничеству, национальности и национальным языкам).

86. Если отечество есть грабеж и разбой, то национальность, народ, это — крупная шайка грабителей и разбойников, словом, крупная семья.

87. Национальный язык есть воровской язык, язык шайки, нужный и применяемый для утаения

своих воровских и грабительских намерений-замыслов от всего общества, от Человечества.

88. Язык Человечества потому и есть изобретенный, следовательно, анти-национальный, как телеграф, телефон и радио,—язык АО и Скороизобретения.

89. Национальность есть об'единение полуплюдей, полужверей для борьбы с Человечеством.

90. Национальность—очаг разнузданного эгоизма и шовинизма.

91. Человечество Внегосударственников борется с анархическим славянофильством, патриотизмом, антисемитизмом и народничеством (Бакунины, Кропоткин, Толстой).

92. Национальность, как семья, суть пережитки докрупно-государственного порядка и они должны быть ликвидированы еще до ликвидации государства.

93. Человечество Всеизобретателей рассматривает национальность, как третье после семьи зло, за которым только и следует зло государства (государственность).

94. Человечество потому и есть, в первую, вторую и третью очередь противоположное, противосемейное и противорасовое, в четвертую очередь—антинациональное и только в пятую очередь—антигосударственное и, следовательно, надгосударственное Человечество.

XVI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К МИЛИТАРИЗМУ.

95. Так как милитаризм носит явно нападенческий, следовательно, насильнический характер, то Человечество Всеизобретателей не может принципиально не относиться к нему отрицательно.

96. Однако, не желая никого, ни себя, ни других обманывать красивыми сентиментальными или демагогическими лозунгами, Человечество Всеизобретателей, как таковое, т. е. не как союз или партия, всегда делающие свою политическую карьеру насчет „радикализма“, которым они блистают до момента завладения руководством общест-венностью (властью и т. п.) и который сейчас же теряют, находясь у кормила,—вполне откровенно заявляет, что пока останется хоть тебь государства, пережиток нации, остаток какого-нибудь национального языка, какой-нибудь национальной культуры, след религии, искусства и науки, последний какого-нибудь класса на земле, и уж нечего говорить о расах, семьях, „индивидах“, все попытки полной ликвидации милитаризма потерпят крушение.

97. Еще более, если мнимая ликвидация милитаризма произойдет без указанных предусловий, т. е. без предварительной ликвидации всего под-национального, подгосударственного и подклас-сового, следовательно, неположительно, а отрица-тельно, несозидательно, а разрушительно, т. е.

неизобретательно, — то она лишь приведет к обратным реакционным результатам, вызывая из небытия, полубытия или прозябания старые домилитаристические общественные формы и отношения, которые, правда, навремя задержат поступательный ход милитаристической „цивилизации“, но скоро зацветут еще более пышным милитаризмом.

98. Человечество Всеизобретателей^т уверено, что никакая лига наций, никакие классы, интернационалы, универсалы, вообще, никакое естественное общество никогда не справится с милитаризмом.

99. Лишь Человечество Всеизобретателей, как Изобретенное Человечество и как Человечество Всеизобретения, задача которого есть изобретательная ликвидация всех бедствий, всего зла, всего отрицательного, всего нежелательного, всего беспорядочного, хаотического, анархического, всего противоречивого, что в „обществе“, „мире“, „теле“ и „духе“, словом, ликвидация всего естественного „общества“ и, вообще, всего „естественного“; лишь Человечество Всеизобретателей, которое фактически, языком АО, упраздняет всякую национальную рознь, лишь оно уничтожит в корне всякий милитаризм — Единой Цивилизацией Единого Человечества, Единым Планом, Человечество-изобретательней-Всеизобретательней.

100. Человечество Всеизобретателей, как изобретенное сознание всех Изобретателей всего земного шара, уверено, что оно даст новое направ-

вление т. н. гению Человечества, Изобретательности, которая до сих пор, к вечному позору старой лжецивилизации старого лжечеловечества, принудительно, была направлена в сторону разрушения, к изобретению все лучших средств, лучших способов и систем истребления и борьбы (военная промышленность, стратегия, войны и армии, революции и революционные партии), что оно даст ей Новый План, Предплан (идеал), задачу, автомиссию: изобретение Надмира, Надсогласия, Надгармонии, Надсвободопорядка и Надпорядкосвободы, Надчеловека - Надчеловечества, Надчеловекосистемы и Надсистемочеловека.

101. Человечество Всеизобретателей, как Единство-Человечество Всех Изобретателей Всего Земного Шара, своим кличем: „Изобретатели всего земного шара, изобретайтесь!“, фактическим его осуществлением посредством выступления из всех наций, государств, стран, выступления из всех национальных, государственных, территориальных, милитаристических систем уже одним тем наносит свой мирноизобретательный, но убийственный меч над головой милитаризма.

102. Изобретхозяйство (изобретенное производство), которое не основано ни на внешних, ни на внутренних рынках, а изобретает их, — Изобретхозяйство, главная ценность которого лежит не в накоплении, не в концентрации мнимых ценностей, капиталов, а в перспективе, в потенции Вечного Бесконечного Изобретения, по существу мало подвержено захвату; следовательно, лишает

милитаризм основного его побудителя, подстрекателя:—аппетита.

103. Огсутье внешнего блеска, всякой мишуры, роскоши, чистый всеизобретательный (так называемый на современном языке) „утилитаризм“, уничтожает „заманчивость“ всеизобретательных строя, жизни и богатств для отсталых, малосознательных и малоцивилизованных, и, таким образом, совершенно лишает милитаризм всякой почвы (даже как защита против отсталых и диких).

XVII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ПОДМИЛИТАРИЗМУ (дезертирству).

104. Человечество Всеизобретателей рассматривает несознательное, непланомерное удирание с национального, тем более с классового фронта в тыл, не для более возвышенных целей, не для служения Человечеству и Изобретению, а для шкурничества, словом, бегство в личные или семейные дела и жизнь,—как подмилитаризм, как что то более низкое, чем милитаризм.

105. Подмилитаризм, конечно, никогда не был и не будет способен сликвидировать милитаризм, а лишь, временно расстраивая его дела, создать для него еще более благодарную почву—в будущем.

106. Милитаризм, как результат столкновения шкурничества (интересов) народов и межнародов (международных коалиций), государств, классов,

партий и межпартий (блоков), не может, очевидно, быть устранен выдвиганием на сцену истории наихудшего и наинисшего из всех видов шкурничества, прототипа и ядовитого источника всех их, т. е. индивидуального шкурничества.

107. Милитаризм будет бит и убит без воскресения, ни в худшей, ни в лучшей форме, лишь полным антишкурничеством, Человечествоизобретением, Идеалоизобретением (на старом языке: идеализмом), Нравоизобретением („нравственностью“), Единой Цивилизацией, Единным Изобретхозяйством, словом, Всеизобретательством.

XVIII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ВСЕМИЛИТАРИЗМУ.

108. Человечество Всеизобретателей относится отрицательно к идее вооружения всего народа, следовательно, превращения всякого человека в солдата.

109. Вооружение всего народа есть развращение всего народа, приучения его легкомысленно отнпситься к жизни, обесценивать ее в его глазах, возбудить в нем дикие заглохшие инстинкты давно минувших кровожадных людоедских времен.

110. Человечество предпочитает потому постоянную армию реакционным замыслам вооружения всех, которое на практике дает лишь усиление хулиганства и бандитизма, нападенчество, пускание в ход оружие при малейшей ссоре и проч. (доказательством чего может слу-

жить Украина, махновщина и, в еще большей мере, черная гвардия Петрограда и Москвы, да, вообще, частые эксцессы в анархических особняках).

111. Вооружение всего народа есть наилучший вид милитаризма. Это значит: вместо одного специального палача сделать всех и из всякого — палача.

ХІХ. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВНЕГОСУДАРСТВЕННИКОВ К ИМПЕРИАЛИЗМУ.

112. Человечество везде и всюду проводит свою прогрессивную линию, являющуюся точкой зрения и дела изобретательства, любящего концентрацию и основной чертой которого есть безостановочное усовершенствование (до изобретения нового) с боевым кличем: „Никогда не назад“, не давая себя запугивать и сбить с толку случайным злом, негодностью насильственной формы.

113. Человечество, будучи против капитализма, не спускается к до-капитализму; будучи против семьи, не идет назад к до-семье; будучи против государства, не впадает в под-государство и до-государство и, будучи против империализма, насильственно сцепляющего нации и хищнически приобщающего отсталые народы к европейской научной лже-культуре, — не поворачивает обратно к до-империализму и к под-империализму, к национализму и федерализму, — к реакционному самоопределению национальностей.

114. Человечество Внегосударственников, отвергающее угнетательское государство национальностей (Националитетенштаат), еще более восстает против национального государства, этой гибели человеческого рода, этого пагубного кустарно-государственничества, этих швейцарий и прочих мелких государств, этих эстоний, латвий, финляндий, норвегий и прочих политокустарей.

115. Человечество Внегосударственников рассматривает всякое мелко-государственничество, как естество, как противочеловечествоизобретательство, как зло и насилие, несравненно худшее, чем империализм, как кустарную безмыслицу, как непроизводительную лишнюю затрату сил и энергии на создание мелко-государственных хозяйств и мелко-государственных аппаратов, как на распыление, раскрошение Человечества.

116. Человечество хотя сознает всю угнетательность и разбойничьсть империализма, тем не менее предпочитает его (империализм-космополитизм) национализму, федерализму, который, в сущности, есть лишь мелкий империализм.

XX. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ЛИГЕ НАЦИЙ.

117. Человечество Всеизобретателей, стоящее вне всех народов, стран и государств, и потому беспристрастно оценивающее политическую жизнь народов, предпочитает Лигу Наций отдельным нациям, т. е. крупный империализм — мелкому

империализму (так наз. национализму), как оно предпочитает крупный капитализм мелкому.

XXI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К КОМУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

118. Человечество, как надклассовое общество, как Единое Человечество, в котором нет и не может быть больше никакой борьбы: ни народов, ни классов, ни групп, ни полов и проч., вполне беспристрастно разбирая тяжбу пролетариата с буржуазией, и находя сравнительную правоту первого, и находясь само вне всякого государства, и будучи в принципе, как против буржуазии, так и против пролетариата, не только против существования рабочих, как особого класса, но даже против существования трудящихся (не автоматов), вообще,—рекомендует, однако, государственному обществу всегда предпочитать всякое рабочее государство буржуазному.

119. Лишь в исключительном (невероятном) случае непризнания коммунистическим государством внегосударственности Человечества и признание таковой социалистическим или буржуазным (что еще более невероятно) Человечество предпочтет буржуазное общество и государство социалистическому или коммунистическому, переселяясь из последних в первое.

120. Человечество, будучи само против всякого насилия и гражданской войны, тем не менее опять-таки—предпочитает гражданскую войну войне народов, т. е. революцию войне.

121. Человечество, и в данном случае, руководствуется установленной ею оценочной деградацией: 1) война всех со всеми, индивидуализм, 2) война семей, родов, племен, наций и государств, 3) война классов и 4) Мирное Человечественное Всеизобретательственное Единожительство.

122. Человечество, считая всегда каждую высшую ступень лучше каждой низшей, рекомендует потому государственному миру, не желающему и не могущему пока приобщиться, в целом, к Человечеству, предпочесть интернационал рабочих—интернационалу буржуа, и Коммунистический Интернационал—социалистическому.

123. Однако, в случае (невероятном) непризнания внегосударственности Человечества коммунистическим интернационалом и признание таковой социалистическим или даже буржуазным (что еще более невероятно), предпочтение отпадает.

XXII. ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМУ.

124. Человечество отвергает всякий интернационализм, как паллиатив, как реформу и культуривировку естества, национальной и государственной розни.

125. Человечество против всякого интернационализма, не только государственного или подгосударственного (анархического), но и прогрессивного, под какими-бы названиями он-бы ни выступал.

126. Человечество высказывается против проекта создания анархического Черного Интернационала, даже если таковой будет носить новое название, вроде Универсала и т. п., будет являться в „вселенчество“, ибо он фальсификация Человечества, ибо он собрание паразитов Человечества.

127. В еще большей мере Человечество высказывается против создания беспартийного рабочего интернационала (мечта, живущая в анархосиндикалистических кругах), будучи уверенным, что он, т. е. этот интернационал окажется оплотом реакционного модернизованного тред-юнизма, т. е. цеховизма, называемого синдикализмом и индустриализмом.

128. Человечество категорически против всякого национала в какой бы то ни было форме и потому оно и против его младшего детища — интернационала. Оно за антинационал, за единое противонациональное и безнациональное Человечество, за полное отречение от национальных языков, стран и государств, и не блудливым анархическим словом, не мессианской маротней и латинщиной, не приклеиванием на медном национальном лбу или национальном языке ярлыка „вселенца“ полатыни („универсалиста“), а фактическим отказом от всякого национального языка, от грековщины, латинщины, эсперантщины и пр.

129. Человечество обращается ко всякому прогрессивному Человеку, тем более, Изобретателю, где бы он ни был, на всем земном шаре,

с человеествоизобретательным предложением: отречься от своей или какой бы то ни было национальности, бросить свой, или какой бы то ни было национальный язык, отречься от отечества, страны, государства, отречься от своей семьи и родни, от частной собственности (если таковая у него есть, отдать ее Человечеству), и жить с Человечеством в Человечестве Внегосударственников-Всеизобретателей, основной своей базой находящемся пока рядом с тем государством, которое ныне является наиболее социально-передовым в мире, каковым в данное время является, с чисто-объективной точки зрения, коммунистическое государство так называемой России, фактически признающее внегосударственность Человечества-Всеизобретальни.

XXIII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПОДПОЛУ, К ИНДИВИДУАЛИЗМУ.

130. Индивидуализм есть подпол, следовательно, еще худшая антисоциальность, противоположность, чем пол и семья.

131. Индивидуализм означает усиление зоологического над социальным, торжество животного над человеком.

132. Индивидуализм есть естество, до-общество.

133. Индивидуализм есть зоологический фундамент, на котором базируются по очереди, борясь и оттесняя друг друга, все десять противочеловечеств, а именно: пол, семья, раса, национальность, государство, класс, международность, часте-

светность, партийность (политическая борьба) и межпартийность.

134. Индивидуализм открывает собою серию социальных болезней, образуя в одно и то же время основу десяти социальных болезней (противочеловечественностей) второй категории и верх-начало всех социальных болезней первой категории, называемых обыкновенно „преступностью“.

135. Индивидуализм, таким образом, лежит на грани между преступностью второй категории и первой, представляя собою в одно и то же время последнюю ступень преступности второй категории и наинишнюю первой, так что индивидуализм может рассматриваться уже, как введение в преступность обычного смысла.

XXIV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К КУЛЬТУРНОМУ И ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ИНДИВИДУАЛИЗМУ.

136. Культурный индивидуализм это идеология (воззрение) и апология (защита) всех видов шкурничества: личного, полового, семейного, расового, национального, государственного, классового, международного, частесветного, партийного и межпартийного.

137. Экономически индивидуализм служит оправданием для производства той массы безделушек, бесценностей индивидуального вкуса, предметов бесполезной (если не вредной) роскоши, бесполезного [если не вредного] комфорта, которые с первого взгляда, будто невинны, на самом же

деле повинны в непроизводительной, правильнее, и важнее, в неизобретательной растрате. Человечеству и Человеку необходимого изобретательного времени.

138. Индивидуализм оплот кустарничества.

139. Индивидуализм и оплот кустарничества духа (искусства, художеств, музыки и проч.), выражающего всегда индивидуальное (геройски-миоическое, былинское), следовательно, Человечествобесценное, человечествонезначимое, или анахронистическую, археологическую, атавистическую, проще, первобытную общественность (социомагию),—опять таки Человечество-бесценное, человечествонезначимое.

140. Индивидуализм служит оправданием всему отсталому, привычному, всем бессмысленным навыкам, обычаям, консерватизму (пример: английский консерватизм), словом, всем уродствам духа и общества.

141. Индивидуализм служит оплотом всякого суеверия, всех религий и наук, которые хотя выдавали и выдают себя порою за общезначимое, на самом деле, суть человечествонезначимое, представляя собою лишь индивидуальные, семейные, родовые, племенные, национальные, классовые и проч. психологии, идеологии и морфизмы.

142. Индивидуализм противозобретателен, мешая истинным изобретениям, которые всегда суть Человечествозначимости, человеческие ценности и, по существу, противиндивидуальны.

143. Индивидуализм есть, наконец, идеализация, вознесение и усиление лже-я, я-естества, я-животного и его лже-собственности (штирнеровское: „Единственный и его собственность“), собственности, чужой, слепой, унаследованной, видовой—над истинным „Я“, я-моим-собственным-созданием, я-моим-собственным-изобретением, над Человеком, олицетворяющим-изобретающим в себе Человечество, над „Я-Человечество“ и „Человечество-Я“ (1'2'31'4), и Его истинной собственностью, Его изобретениями, человечествозначимостями, человечествоценностями.

XXV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ОБЩЕСТВУ.

144. Общество это объединение людей, которые, на самом деле, ничего общего между собою не имеют. Общество, как объединение индивидов с личными интересами, как интериндивидуал, есть внутреннее противоречие, эклектизм и соединение несоединимого (синкретизм).

145. Общество, разрозненное на индивиды, на семьи, расы, национальности, государства, классы, партии и проч. есть лжеобщество, противоположно—противочеловечество.

146. Общество, в котором один шкурник (индивид) будто уступает несколько другому шкурнику, есть игра в соглашательство, вечная борьба, маскированная лжемиром.

147. Общество, которое есть лишь видоизменение древней общины и первобытной коммуны и, таким образом, последний социальный естества, лжецивилизованный лишь сознанием мнимой (ибо как „шкуры“ не совпадают всецело, так и интересы этих „шкур“) общности интересов, есть лишь прикрытая конкуренция и ловкое мошенническое незаметное подчинение интересов (шкурничества) одного индивида интересам (шкурничеству) другого, одной семьи—другой, одной нации—другой, одного государства—другому, одного класса—другому, или всех их вместе интересам [шкурничеству] одного индивида—шкурника (патриархат и абсолютистическая монархия), интересам одного рода (династическая монархия), одного сословия (феодалная монархия, княжество, герцогство и проч.), интересам цеха (вольные города средних веков), мошенническому союзу патриарха-монарха, рода, сословия и буржуазии (конституционная монархия), интересам феодалов и буржуазии (аристократическая республика), интересам-шкурничеству одной буржуазии (финансовая республика), лжеосоюзу шкурничества буржуазии и мелкой буржуазии (демократическая республика), лжеосоюзу буржуазии, мелкой буржуазии и пролетариата (социалистическая республика), лжеосоюзу господствующей национальности с угнетенными национальностями (федеративная республика), лжеосоюзу рабочего класса с крестьянством (советская республика, рабоче-крестьянская республика), лже-

союзу одной нации с другой или с другими и действительным соперничеством, угнетением или обманом одной или одних другим или другими [договоры, трактаты, союзы, коалиции, антанты, лиги наций, интернационалы, международные общества, лиги и союзы, универсалы и проч.].

148. Общество взаимной помощи есть общество взаимной помехи.

149. Интериндивидуальное 'общество носит' свое разложение, свою смерть в самом себе.

150. Всякое общество, как таковое, как естественное общество потому перепутано социальное с антисоциальным с преобладанием последнего, ровно, как в естественной жизни, жизнь всегда сталкивается со смертью с перевесом на стороне последнего.

151. Общество, основанное на свободном договоре, будет обществом обмана и шкурничества, в гораздо худшей мере, чем государство, и потому Человечество предпочитает государство всем „союзам эгоистов“, интериндивидуалам, вольным общинам, вольным коммунам и проч. и проч.

152. Культурно интериндивидуализм есть апология естества, мещанства, золотой середины, реформированный культ биологического естества, и такой же эклектизм, как интернационализм индивид, как нация, должен, социально и психологически, быть уничтожен.

XXVI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ЛЖЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, К НЕЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, К ПРОТИВОЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

153. Человечество Всеизобретателей считает современное, так наз. человечество, раздробленное на индивиды, семьи, племена и проч., и раздираемое отчаянно борющимися между собою нациями, расами, классами, полами, возрастами, личностями-индивидами и проч., — лжечеловечеством, противочеловечеством и клеймит его мнимое существование вымыслом мечтателей, сетью науки, задача которой есть примирение человека, пробуждающегося Всеизобретателя, с естеством, с существующим.

154. В противовес обману и мечте о человечестве, старо-мессианским и ново-мессианским упованиям, Человечество Всеизобретателей провозглашает: „Человечества нет, Человечества не будет (самим собою, естественно), Человечество нужно изобретать, Человечество уже изобретено“.

155. Человечество Внегосударственников-Всеизобретателей и есть Изобретенное Человечество.

156. Внегосударственники - Всеизобретатели, выступая из всех национальностей, стран, государств и классов, отрекаясь от индивидуализма, эгоизма, личного, государственного, отрекаясь от пола, семьи, частной собственности, от всех национальных и государственных языков и проч. и проч., впервые изобретают и осуществляют Человечество, настоящее, единое, изобретают его

языком АО и Единой Человечественной Цивилизации Всеизобретательства, Единой Всеизобретательней.

157. Единство Внегосударственников-Всеизобретателей потому и называется Человечеством, ибо совместная всеизобретательная их жизнь и есть Человечествоизобретание, Человечествоизобретальня-Всеизобретальня.

158. Человечество уверено, что со временем в него добровольно, без малейшего насилия, чисто-изобретательственно, включатся все люди на всем земном шаре, которые все откажутся от своих национальностей, национальных языков, национальных культур, от своих религий и наук, от своих стран, государств, от частной собственности, от своих богов, природ и прочих предрассудков, и, став на деле, изобретателями-Всеизобретателями, приобщатся к Новой Цивилизации Всеизобретательства, будут говорить на языке Человечества АО, писать письмом Человечества Скороизобретописью и изобретать по Единому Всеплану в Единой Всеизобретальне, так что больше не будет джечеловечества, национального или классового (интернационального) или общественного (интериндивидуального).

159. Человечествоизобретальня, Человечество, таким образом, чисто-изобретательно реально осуществляет то, о чем напрасно мечтали религиозные и научные синагоги и церкви (мессианство, христианские церкви и социалистические партии), чего напрасно и неудачно добивалось, и ныне

все еще безрезультатно добивается, огнем и мечем империя (крупное государство).

160. Человечество, Человечествоизобретальня, превращает разбойничью утопию Александров Македонских, Цезарей, Наполеонов и проч., о завоевании всех стран, утопию о насильственном объединении всех народов в одном государстве, в одной республике—в мирную реальность, в изобретательный (противоестественный), конкретный План, отрекаясь и выступая из всех народов, национальных культур, языков, стран и государств, и создавая сейчас же Настяющее Реальное Единое Человечество, Чистое Человечество, Качественное Человечество, которое одно только может, увеличиваясь, стать и количественным Человечеством.

161. Первые и бесконечные шаги, бесначальное начало и бесконечный конец, фундамент и купол, пионерство-авангард и аррьергард, суть, сущность, изобретсознание, качественность Человечества, Вечная Человечественность, Потенция Человечества-Надабсолюта, Всеизобретательства-Надабсолюта, основной носитель и реализатор Единого Всеплана, Надабсолютплана (т. е. всеизобретательства до надабсолюта) есть Априорное Единство Всех Изобретателей Всего Земного Шара, Человечество Всеизобретателей, Человечество-Изобретатели-Все, Единая Человечествоизобретальня—Всеизобретальня.

XXVII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ЛЖЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕННЫМ КУЛЬТУРАМ И ЦИВИЛИЗАЦИЯМ.

162. Как политический империализм (космополитизм) есть лишь прикрытый национализм и как лжечеловечество есть лишь маскированный господствующий класс, так и культурный империализм [наука] и интернационализм (пролетарская наука) есть лишь фиговый лист для маскировки национальности и классовости культуры.

163. Религия и наука всегда были национальными и классовыми культурами, и их мнимый космополитизм и интернационализм (в разные эпохи) есть лишь наилучшее орудие угнетения отсталых народов, отсталых классов, групп и т. п.

164. Для Человечества религия и наука не приемлемы, не только потому, что они ложны, но и потому, что они национальны, просто национальны, империалистически-национальны или интернационально-национальны и, следовательно, базируются на угнетении национальностей и на раздирании Человечества на мелкие разрозненные куски.

165. Культура же Человечества есть Всеизобретательство, не знающее никаких государственных, территориальных и языковых границ, ни географических, ни психических, и в одинаковой степени преодолевающее, как космическое естество, так и социальное, национальное, половое и проч. естество, — Всеизобретательство, которое есть

противонациональная и наднациональная, противоестественная и надестественная, противонаучная и наднаучная Единая Цивилизация Единого Человечества.

166. Отвергая все лжеспособности, союющие рознь национальных психик и „индивидуалистических“ психик (необщезначимости), Человечество признает один единый дух для всего Человечества: Изобретательность, План.

XXVIII. ОТНОШЕНИЕ НАДНАУЧНОГО ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПАРТИИ.

167. Изобретательная рассматривает партию, как научную церковь, и потому, отвергая всякую науку и всякую церковь, она тем самым отвергает, в принципе, всякую, какую бы то ни было партию.

168. Каждая партия, как научная церковь, или стремится (впервые или сызнова) к власти или стоит у власти.

169. Партия потому и есть или до-власть или захватчик власти или у власти или под-власть (потерявшая власть); словом, или насилие или стремление к насилию.

170. Каждая партия, как до-власть, национально-отечественна, территориально-государственна (даже если она интернациональна) или империалистично-космополитична, если она воистину „универсальна“, и потому она противо-человечественна.

171. Каждая партия противочеловечественна и потому, что она защищает лишь интересы шкурничества какого-нибудь класса или под-класса, который должен (чем раньше, тем лучше) быть уничтожен.

172. Партия противочеловечественна даже и тогда, когда она защищает интересы угнетенного класса, ибо угнетенный класс заинтересован лишь в своем освобождении, в своем благоденствии, значит, в шкурничестве, но не (или слишком мало) в раскрепощении всех других угнетенных общества, и еще менее он (на деле, а не на словах) принимает к сердцу интересы и счастье всего Человечества.

173. Партия (или союз) противочеловечественна даже и в том случае, когда она защищает интересы всех угнетенных современного естественного общества (и потому Человечество отреклось от: „Союза Пяти Угнетенных“, от пананархизма! См. мой „Манифест Панархистов“).

174. Каждая партия (или союз и т. п.), как представительница чьих-либо интересов, есть шкурничество.

175. Каждая партия представляет собою культ социальной природы, культ капитала в четырех его лицах.

176. Каждая партия есть культ национального, государственного и классового или интериндивидуального естества, смешанных порою все вместе.

177. Каждая партия, как научная церковь, есть противоречие и расхождение между словом и делом, значит, противоиобретательство.

178. Каждая партия основана на какой-нибудь научной теории и, следовательно, на лжи и своей работой сеет кругом себя ложь, представляя собою лишь видоизмененный демократизированный университет (т. е. научную синагогу) социальных наук, значит, научную церковь.

179. Партия представляет собою словоблудие, перемешанное с какой то лжепрактикой и, следовательно, есть институт социальной магии (социомагии). Суть партийной работы заключается в агитации и пропаганде, следовательно, в социомагии.

180. Борьба партий из-за власти (как и борьба анархических групп и союзов и проч. против власти) основана на человеконенавистничестве, ибо она разжигает одни низменные, эгоистические и разрушительные инстинкты.

181. Программы партий суть церковные догмы, неизблемые, застывающие, коснеющие.

182. Наднаучное изобретенное Человечество отвергает потому всякую программу, принимаемую голосованием или опирающуюся на науку и признает лишь Изобретенные Планы, никогда не застывающие, никогда не останавливающиеся, вечно изобретаемые и вечно усовершенствуемые.

183. Человечество, вместо научной теории, ставит изобретание и предизобретание (План) и, вместо партии—Изобретальню, Человечествоизобретальню, которая сменил и партию, и государство, и город.

XXIX. ОТНОШЕНИЕ НАДПАРТИЙНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПОДПАРТИИ, ПОДПРОГРАММЕ И ПОДПРИНЦИПНОСТИ (БЕСПРИНЦИПНОСТИ).

184. Надпартийное Человечество, отвергающее партию, зовет вперед, к полному славу слова и дела, к Изобретальне, словом, к Надпартии, но не обратно, к беспартийности, беспрограмности, беспринципности, словом, к подпартии, которая хуже партии, или к до-партии, к недорослям „общественности“.

185. Всякий эгоист, всякий шкурник, всякий пошляк, всякий индивидуалист, всякий мелко-собственник, всякий семьянин, всякий кулачек, всякий пьянчужка и развратник, всякий патриот, всякий преступник, дезорганизатор или демагог любит и наигрывает на беспартийность, любит нырнуть в безвестной толпе, любит беспрограмность и беспринципность, под личиной которой легко скрывается всякое проделывание грязных делишек, всеиспорченность и всепреступность.

186. Беспрограмность есть разврат убеждений и поступков, своего рода „свободная любовь“. Она беспринципность.

187. Беспрограмность хуже и ниже партийной программы, она — подпрограмма; это под-семья духа, проституция духа.

188. Дезорганизация хуже какой бы то ни было организации, дезорганизация духа хуже жакого бы то ни было духопорядка.

189. Анархическая беспартийность (лозунг анархо-синдикализма), беспрограмность и беспринципность (лозунг анархо-индивидуализма) реакционны, как реакционен весь анархизм, без различия течений и оттенков.

190. Анархические организации, федерации, конфедерации, ассоциации, группы, союзы, секции, объединения, общества, братства и проч. суть подпартия и до-партия, значит хуже и ниже партии. По большей части они представляют собой лишь различные виды до-социальности, десоциальности и антисоциальности, следовательно, противочеловечества, противозобретательства.

XXX. ОТНОШЕНИЕ ВНЕГОСУДАРСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

191. Внегосударственное, надкоммунистическое, наднаучное Человечество, отрицая всякое насилие, всякую теорию, даже всякий „изм“, рассматриваемые им, как заведомую ложь и духовнасилие, отрицает, следовательно, и всякую партию, рассматриваемую им, как церковь, — тем не менее относится сочувственно к коммунистической партии, пока последняя борется с буржуазными предрассудками, с буржуазной наукой, с крупной буржуазией, мелкой буржуазией и крестьянством, этими двумя болотами суеверия, — пока и именно потому что последняя борется против мелко-хозяинического коммунизма.

192. Человечество, живущее само вне всякого насилия, тем не менее предпочитает видеть около себя насилие коммунистической государственной партии, совершаемое для достижения коммунизма, насилию буржуазных партий, направленному против коммунизма, ибо коммунизм, очищенный от научной шелухи-дребедени, есть правильное хозяйственное изобретение, именно, в его крупно-государственной форме (пренебрегая, конечно, его насильственным методом, который все дальше, по мере уменьшения контр-революционной опасности и приобретения им реально-изобретательной силы, все более ослабнет).

193. Надклассовое Человечество отвергает и крестьянство и рабочий класс, как пережитки старого мира: крестьянство, как пережиток феодального мира, рабочий класс, как пережиток капитализма. Еще более, Человечество отвергает в принципе не только рабочий класс, как класс наемников, но и коммунистический труд, ставя, вообще, вместо него человеческие изобретения и усовершенствования.

194. Но Человечество всегда предпочитает рабочего крестьянину и город (хотя относится отрицательно к городу) — деревне, и потому предпочитает партию городского пролетариата, партию государственного коммунизма, партиям крестьянства, партиям мелкособственности и, следовательно, противоизобретательства.

195. Человечество отдает все свои симпатии

[хоть и государственной] коммунистической партии в ее борьбе со спекуляцией, кооперацией, профсоюзами, цеховизмом, шкурничеством, индивидуализмом, в ее борьбе с оплотом мировой реакции, с крестьянством, с мелко-собственничеством, с цеховым эгоизмом несознательного рабочего, с анархо-синдикализмом, с мелко-коммунизмом, с подгосударственным коммунизмом, так называемым анархо-коммунизмом, непризнавая и не одобряя лишь насильственных его мер и методов, которые часто терпят крушение и приводят к провалу всей системы и дискредитированию самого принципа-плана, как мы видели на примере натурального налога.

XXXI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕ-ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ГОРОДУ И ГОРОДСКОЙ „ЦИВИЛИЗАЦИИ“.

196. Город есть лишь большая, частично улучшенная и в общем еще более испорченная, деревня.

197. Культ естества, что в деревне, видоизменен городом в культ капитала (городского естества); культ обжорства — культом лакомства и проч.

198. Капитал все бухнет и давит одним кошмаром в четырех лицах-формах: 1) собственно капитал, 2) т. н. труд (который, все более тейлоризуясь-механизируясь, становится чистым средством производства, вторым капиталом), 3) власть (государственная машина, все более механизуясь, становится лишь механическим придатком к ка-

италу,—словом, третьим капиталом), 4) милитаризм (армия, механизуясь-капитализуясь, все больше броневиками, танками и аэропланами и проч., становится лишь четвертым капиталом, капиталом-антикапиталом, т. е. капиталом для истребления и захвата чужих капиталов).

199. Концентрация капиталов это и есть гейлоризация, централизация-бюрократизация и милитаризация. Это четыре названия для одного „аттрибута“ бога города: Капиталистичность.

200. Рост города и проч. все это лишь дальнейшие названия „единой сущности“.

201. Концентрация капитала ведет к его окостенению: костенеет производство, костенеет труд, костенеет власть, костенеет армия в одном однообразии; для разнообразия капитал затевает вакханалию крови: мировой пожар.

202. Зажатый в четырех клещах капитала, задыхаясь в них и с'ума сходя от них, горожанин погружается все более в лодырничание, в роскошь, паразитарность, в театры, в похабщину, в искусство, в вкусовые вещества, в алкоголь, табак, сифилис, средства против зачатия, кондом, „пикантные обрывы в самом интересном пункте“ и проч. и проч.

203. Город, следовательно, есть очаг вырождения, неврастении, умопомешательства, угашения жизни, болезней, словом, преддверие к могиле.

204. Город не освободил Человека, а поработил его капиталу.

205. Временным паллиативным облегчением-оздоровлением даст „диктатура пролетариата“, зачем все пойдет вновь еще более усиленным темпом к вырождению и смерти через роскошничание, изнежничание, излодырничание, ишкурничание, комедиантничание, потребиловчество, паразитство.

206. Город есть грязнейший выродок, сластолюбец, наслажденчественник, потребиловец—весь, всеми своими группами, слоями, классами, разновидностями; он и интересмакун и автосмакун.

207. Но город не только отвратительный выродок, но и гнуснейший паразит, эксплуататор, кровопийца.

208. Город весь строит все свое грязенькое счастье на эксплуатации изобретателей, на их крови, на костях изобретателей, которых он высасывает и выбрасывает,—от Колумба до последнего (на лестнице изобретения) изобретателя нового способа под'ема сошедших с рельс паравозов.

209. В'едаясь зубами и скулами в продукты старых изобретений, жуя жолуди под дубом Изобретений, грязный Город-Капитал перегрызает все корни дуба, но все свое грязное бешенство и паразитскую злобу он вымещает на молодых побегах: на новых изобретениях.

210. Город-Капитал душит всякое новое изобретение, чтоб не пали его старые акции, его ветхие кредитные билеты, чтоб не обесценилось его болото; он подрубает всякий новый дуб, чтоб не подешевели его жолуди.

211. Человечество Всеизобретателей ставит своей задачей приблизить смерть осужденного города, час испровержения капитала в шести лицах: капитала, труда, закона, власти, оружия и муштры.

212. „Новый дуб вырастет, город выродится, капитал-колосс, капитал-город обесценится Изобретением. Накопление-концентрацию заменит многоизобретание. Голиаф-Капитал будет бит Давидом-Изобретением и город заменится Изобретальнею (Бэоби. Всеизобретательный манифест)“.

XXXII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПОДГОРОДУ (ДЕРЕВНЕ) И ОДЕРЕВНЕНИЮ ГОРОДА.

213. Деревня простая потребиловка, грубая обжиралка и пложалка-размножалка: скотоводство четырехногих и скотоводство двуногих и их кормяжка.

214. Деревня это логовище животного в образе человека.

215. Культ деревни это культ варварства, культ пложачества пложакою-Толстым.

216. Деревня неумолимо близится к городу. Из деревни тянутся в город. Деревня вливается в город или город поглощает деревню или же деревня „самоогораживается“, становится городом, капитализуется.

217. Воскрешение деревни или одеревнение города (город-сад) есть романтическая затея мелко-горожанина с его деревенской психологией.

218. Человечество-Всеизобретателей зовет потому не только всех угнетенных, но и всех задыхающихся и всех разочарованных в городской „цивилизации“ бросить бесплодную мелко-горожанскую психологию и авантюры и идти в Изобретальню, к Изобретальне: отдать свою жизнь, все силы и средства не мракобесному возврату к деревенщине, не для того, чтоб двинуть колесо вспять, а вперед—к Изобретальне.

ПОД'ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Отношение Человечества Всеизобретателей к антисоциальным методам.

XXXIII. ОТНОШЕНИЕ К НАСИЛИЮ.

219. Человечество отвергает для себя всякое насилие в какой бы то ни было форме.

220. Человечество, однако, сознает, что уничтожение насилия, тем более государственного, в современном и рядом с ним существующем „обществе“, в „обществе“ лодырей, обжор, лакомок, развратников, деревенских пложак и городских кондомистов и „обрывистов“, шкурников, потребиловцев, юбочников, роскошников, нег, паразитов, художников, артистов и проч. чисто-паразитарной братии, попов и ученых, алкоголиков, курильщиков, преступников первой и второй категории и проч.—абсолютно невозможно.

XXXIV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К БЮРОКРАТИЗМУ.

221. Человечество отвергает всякий бюрократизм.

222. Человечество отвергает всякие законы, предписания, распоряжения, приказы и проч.

223. Человечество признает лишь один „закон“ — Изобретения, Всеизобретения, которые всякий человек должен, обязан не только исполнять, но и отдать им всю свою жизнь, всегда быть готовым жертвовать последней ради применения, осуществления, усовершенствования и тем более делания Изобретения.

224. Единый „закон“, „норма“, „регулятор“ и проч. Человечества это — Изобретение.

225. „Духовная“ полная абсолютная Диктатура Изобретения (в его Единой Системе: Всеизобретательство) — вот „закон“ Человечества.

XXXV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕ- ИЗОБРЕГАТЕЛЕЙ К ПОДБЮРОКРАТИЗМУ (к демократизму и проч.).

226. Человечество считает еще более реакционным, чем бюрократизм, его мнимый лечитель — демократизм.

227. Демократизм есть антиспециализация, еще худшая реакция и рабство, чем специализация, ибо она — хаос, анархия, а анархия — худшее рабство, наихудшая деспотия.

228. Человечество предпочитает демократизм (который так же есть паразитизм) лишь в одном случае: в его борьбе с аристократизмом (с наивысшим паразитом, паразитом № 1).

229. Человечество, таким образом, признает за временный паллиатив лишь общедоступность исполнения бюрократического труда, которая именно и делает возможной наивысшую бюрократизацию-механизацию, нисводящую труд чиновника на труд черного рабочего при государственном механизме, что так же прогрессивно, как тейлоризация, делаая возможной замену чиновника автоматом, точно также как рабочего.

XXXVI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

230. Человечество, хотя отвергает насилие, но в принципе стоит за метод диктатуры.

231. Метод диктатуры это единство Плана, Системы, Выдержанности.

232. Соглашательство, коалиционность это хаос, путаница, бессистемность, оппортунизм, эклектизм, беспринципность, анархия.

233. Тем более Человечество сочувствует диктатуре, когда речь идет о выборе двух диктатур: либо диктатуры буржуазии либо диктатуры пролетариата.

234. В „демократическом“ обществе фактически под личиной соглашения проводится диктатура буржуазии.

235. Человечество предпочитает потому открытую диктатуру пролетариата прикрытой диктатуре буржуазии.

236. Буржуазия ныне, как класс окончательно разложившийся, есть одна клоака роскоши, неги, мишуры, наслажденчества, франтовства, искусства и проч., и потому Человечество Всеизобретателей, хотя оно в принципе против всякого класса, считая его не только человечествовраспи- нателем, но и паразитом,—все-же предпочитает иметь рядом с собой диктатуру того класса, который еще сравнительно нетронут, здоров, не успев еще разложиться в грязной антивутилитарной противсизобретательной атмосфере роскоши, щегольства, лакомства, кондомизма, „обрывизма“ и онанизма, словом, вытрясать из себя все жизненное, сочное, свежее, здоровое и волевое в зрительной, вкусовой и половой лихорадке.

237. Диктатура это полито-химический анализ: „или туда или сюда, среди инцины-обывательщины нет“.

238. Но Человечество Всеизобретателей стоит в первую очередь, за Диктатуру „Духа“.

239. Диктатура „Духа“ означает Диктатуру Внимания над хаотическим потоком сознания, над сумбурными ассоциациями, воспоминаниями, бесплодным резонерством, желанчеством, похотничеством.

240. Диктатура „Духа“ это диктатура воли, но не слепой, не стихийной, а вадразумной и надфантазийной,—это Диктатура Надволи, Диктатура Изобретательности.

241. Через диктатуру „Духа“ Человечество установит свою Диктатуру над „обществом“, „телом“ и „вселенной“,—Диктатуру Всеизобретательства.

242. Диктатура „Духа“ это Диктатура „Идеала“, а дидактура идеала это Диктатура Изобретения.

243. Истинный „Идеал“ это Изобретение, Истинное Изобретение это „Идеал“.

244. Человечество Всеизобретателей потому еще в большей мере сочувствует диктатуре пролетариата, когда последняя не является диктатурой пролетарской толпы, шкурнической массы, а диктатурой „идеала“ (в данном случае, коммунизма, и пусть в неизобретательной форме).

246. Человечество Всеизобретателей именно еще больше радо видеть, когда диктатура пролетариата носит явный характер „диктатуры над пролетариатом (моя фраза в „Буревестнике“, горячо подхваченная всеми остальными анархическими демагогами“), т. е. диктатуры коммунистического идеала над пролетариатом.

247. Человечество Всеизобретателей, провозглашая будущую Всеобщую Диктатуру Изобретателей, понимает ее не как диктатуру лиц, а как диктатуру идеальных вещей, т. е. идеальных институтов, точнее, Изобретален, Всеизобретальни, как диктатуру Изобретений, как абсолютное восгосподствование Единого Плана, Единого „Идеала“ Всеизобретательства.

248. К формуле-же диктатуры коммунистических институтов, диктатуры коммунистического

идеала (в государственном мире, рядом с ним) Человечество Всеизобретателей вполне присоединяется до тех пор пока не пробьет великий час Диктатуры Всеизобретательства, и рабочий класс не сойдет с исторической арены, оттесненный и вытесненный Антиклассом Человечеством Изобретателей, Всеизобретателей, Единством Всех Изобретателей всего земного шара.

249. Однако, по мере удаления и отхождения пролетариата от идеала, как в его политике, так и в его быте, попадая все больше под влияние грязных совершенно противных слоев „общества“, моральная база его диктатуры все более ускользает из под его ног и сама его диктатура все более слабнет, хиреет вследствие расслабления его воли через роскошь и проч. обуржуазнения, так что момент наступления диктатуры изобретателей ускорится не только положительным фактором, но и отрицательным: необходимостью спасения „общества“ от разложения, вырождения.

250. Этот момент может, наоборот, быть удален по мере того, что пролетариат, а главное его авангард, коммунистическая партия, окажется стойким непорочным проводником коммунизма.

251. Во всяком случае, когда перед Человечеством ставится вопрос выбора: одобрять ли диктатуру шкурника наивысшего порядка или диктатуру найподлейшего наинизкого и наিশкурнейшего шкурника, словом, либо диктатура пролетариата либо диктатура личности (всеобщая анархия и дезорганизация старых анархистов

или автоорганизация А. Гордина) или рабочего (рабочая анархия какого то Павлова), то оно незамедлительно становится на стороне диктатуры пролетариата.

252. Человечество уж из-за одного того за диктатуру пролетариата, что последняя называет вещь своим именем, а не болтливо прячется за спиной разных „слобод“, как анархисты, прячущие свою диктатуру, диктатуру анархиста и диктатуру личности за пустой шелухой: „анархия“, „безвластие“, в то время, что эта анархия есть самая подлая, самая хулиганская и самая варварская диктатура в мире, диктатура анархического бомбиста, экспроприатора, развратника, духоразвратника и болтуна (культуро-анархизма. Теорин мой, который всесердечнейше преподношу „Итериндивиду“ для обычной с его стороны „духо-экспроприации“).

253. Культурная анархия это психология варвара, потребиловца, духокошки, духолакотки, духобрывиста, самая гнуснейшая диктатура невежества и дикости, диктатура подлых плагиаторов и эксплуататоров, потребиловцев над изобретателями, над идеалом, желудесмакователем и дубсподкопателем. Это диктатура духошкурничества над Человечеством, бесценного над ценным, необщезначимого над общезначимым, диктатура индивидуально-значимого над человечествозначимым. Словом, психология потребиловца душонанист-индивидуалиста: „Я—весь мир“ или обрывиста-итериндивидуалиста: „Я и Ты—весь мир“.

254. Культурная анархия есть наидиктаторская наиболее прикрытая диктатура болтуна, потребиловца, невежды и тупицы, дрянного куса естества, примитивной психологии над цивилизацией, над изобретательством, диктатура анархического черного мракобеса над прогрессом; это распинание изобретателей, духовное перегрызение им горла наслажденческими потребиловческими зубами, психологией: Я и Ты — смакнем... Это психология потребиловца, для которого и у которого никаких объективных ценностей, никакого служения Идеалу, никакой веры в то, что существуют люди служащие не себе, не наслажденчеству, а цивилизации, Человечеству, не смакованию, а чистой здоровой, человечествоутилитарной жизни — абсолютно нет.

255. Человечество вполне определенно заявляет, что оно ставит духовную диктатуру пролетариата, мощь и гордость его духа, артодоксальный марксизм (хотя ошибочный по нашему) „фанатиков“ коммунизма выше, как небо выше земли, грязной дряблой онанически трясуемой психологии анархического культуроблудия, трусливенького прячущего диктатуру шкурнически-потребилловческой наслажденческой пошленькой и бесценной субъективной, индивидуальной, зоологической культуры, лжекультуры, над социальной культурой, над изобретательной культурой, над общезначимой, объективной, над Человечественной культурой, над Истинной культурой, над Вечной Культурой: Всеизобретательством.

XXXVII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ И К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ.

256. Человечество клеймит всякий парламентаризм социоманией (обществознахарством), верой в чудотворную силу слова.

257. Истинно, вечно-истинно, надистинно это одно Изобретение, остальное все обман, мишура.

258. Парламентаризм со всем его закулиничеством есть жульничество, ожульничание всех (всегда) и ожульничание самого себя (реже).

259. Парламент это говорильня, ужаснейший враг Изобретательства, Изобретальни.

260. Парламент это своего рода публичный дом, где люди торгуют мифом своей давноумершей или мертворожденной совести.

261. Парламент это псарня, обиталище грызущихся меж собой, но одинаково выжидающих и смакующих подброшенную им кость собак.

262. Депутаты парламента это прихлебники, наемники и купленники господствующей в стране клики, что то вроде наемных „хлопушек“ в театре; в лучшем случае, это наймиты избирательного шкурья.

263. Депутат, как шкурник, потребиловец, делегируемый шкурниками для защиты шкурнических интересов, не может не иметь на первом плане свое собственное шкурничество, и потому он всегда предает интересы пославших его за свою „чечевичную похлебку“.

264. Парламентаризм есть фикция соглашения, соединение несоединимого, прикрытия про-

тиворечивости интересов-шкурничеств всех классов-шкурников современного „общества“, маскировки борьбы классов, подклассов, групп, наций, областей, местностей, деревень и городов, семей и индивидов, словом, всего шкурнического маскарада и подмаскарада.

265. Человечество зовет вперед к себе, к Человечеству, к диктатуре Изобретателей, которая и есть диктатура Идеала, диктатура антишкурничества, антипотребилловчества, к диктатуре Человечества, к отказу от всех шкурничеств (даже от классового и выше) и подчинению всего одному интересу, истинному интересу, интересу Идеала, Неинтересу, Изобретению, носителем которого и есть вполне сознательный (изобретательный) изобретатель, Всеизобретатель.

266. Но Человечество с ужасом отмежевывается от анархического антипарламентаризма, который есть не что иное, как апофеоз самого подлого шкурничества отдельных личностей или их шкурнических потребилловческих объединений, значит что то не в пример хуже парламентаризма.

XXXVIII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ПОДПАРЛАМЕНТАРИЗМУ (плебисцит, референдум и проч.).

267. Человечество, отвергая парламентаризм и институт парламента, в еще большей мере отвергает все те меры, которые еще ниже уходят от изобретательства.

268. Если потребилловческое „соотношение сил“ в парламенте неустойчиво, то таковая на улице еще более подвержена случайностям, демагогии, настроенчеству, мимолетности, так что узаконение этой стихийной хамелеоновщины, игры шкурничества есть узаконение хаоса, сумасшедшего дома, бедлама анархии; а узаконение плебисцита, референдума есть узаконение (как нормы поведения) мига кинематографической ленты-картины этого бедлама, этой анархии.

269. Если в парламенте происходит соглашение или борьба шкурничества, то на случайной улице сутолока, хаос, пеленый бессмысленный клубок путающихся шкурничества.

270. Если парламент негодный институт, то безинститутность (вождеделение анархизма-авторганизационизма А. Гордина) хуже него. Это политический бедлам, вполне гармонирующий с его культурным бедламом анархии: с беспринципностью или индивидуал-принципностью, представляющей собою не что иное как верх потребилловческой психологии, потребилловчества духа, как диктатура индивидуал-хаоса над социал-порядком, как духовный абсолютизм одиночек, как диктатура настроений, капризов, похотей и прихотей душошкурья и телошкурья.

271. Плебисцитаризм, референдумизм есть лишь политическое потребилловчество чистойшей воды.

272. Парламент есть как будто межпартийный институт, на самом деле допартийный (на-

ациональный) институт, родина партий и партийности и, ступенчатая (ныне), при полной зрелости партий, их физиономии, становятся для них помехой.

273. Коммунистическая партия потому и порвала с ставшим узким для нея старым допартийным парламентаризмом, создавая новый парламентаризм, попартийный: советизм, т. е. однопартийный парламентаризм (творение Ленина), парламентаризм диктатуры одной партии, который, по существу, лишен, порождая двойственность системы, но пока утилизуем, служа, как и ставший лишним, благодаря гегемонии партии, профсоюз, лишь целям информации, публикации, так сказать „школой коммунизма“ (тезисы Ленина о профсоюзах), авторитарности (для беспартийных) и связи пока партия, окрепнув, не поглотит их и к тому, если это — добавим мы — не затянется слишком долго и не наступит новая эра диктатуры Изобретальни.

274. Человечество вполне сочувственно относится к всякому оттеснению парламентаризма выше, что означает иначе оттеснению низшего худшего шкурничества высшим, лучшим.

275. Человечество потому и вполне одобряет поглощение не только профсоюза, но и парламента вообще, вообще, государства Партией, хотя само отрицательно относится к партии.

276. Ибо все эти явления лишь очищают путь перед диктатурой Изобретальни, диктатурой Чистого Истинного Идеала (Предплана).

277. Прилагая этот же оценочный масштаб к допарламентаризму автоорганизационистов, Человечество находит, что они удаляют от Идеала Человечества, от возможности построения-изобретения Человечества, уводя от наитончайшего шкурничества, от одухотворенной партийности, к наигрубейшему личному эгоизму и шкурничеству, лежащему пониже даже парламентаризма, не то партии.

278. Эти и им подобные анархические „универсалы“, суть анархические бедламы, анархическое столпотворение шкурничества-потребилочества.

279. Идеологически это мелкочиновничья, мелкопотребилоческая психология мелкогорожанина; романтика возврата к „политической природе“, доиститутности и политической деспециализации, словом, к полупервобытности, и потому Человечество клеймит всех этих затейщиков первобытниками или анархистами (что одно и то же, ибо всякий анархист есть природовозвратник, первобытник, универсал-потребилочец).

280. В Парламенте, тем более в Совете (одноклассовом парламенте), еще лучше в Партии полупервобытная полная анархия и противоречивость личных шкурничеств кристаллизуется, отливается в национальный интерес (Парламент), в классовый интерес (Совет), в идейно-классовый интерес (Партия), следовательно, в шкурничество наивысшего порядка, наиболее близкое к беспристрастию, к объективности, идеальности, систематичности, урегулированности, а от нея один

только скачек из апостериори естества в априори Изобретательства, в План, в Чистый Идéal.

281. Парламент, Совет, Партия—это восходящая градация фильтров личного анархического автоорганизационистского шкурничества; автоорганизация-же, я-сам-организация, анархия это—дефильтр; это мутилка, „природное“ взбаломутничество потребилловцев, это не есть идеал, а падение шкурников, которое побороть труднее, чем парламент.

282. В парламенте, совете, партии между нисшим шкурничеством, между интересом-потреблением и интересом-обменом (потребилловская мирная политика это обмен интересов, услуг, шкурничеств) вплетается посредствующее (хоть жецивилизационное, все же цивилизационное) звено: и нтерсопроизводство, искусственное сочетание, комбинирование интересов, шкурничествсистематизация и производство новых высших интересов-шкурничеств; между тем как анархия автоорганизации это политическое, так сказать, натуральное хозяйство, это натуральная политика, и гординский плебисцитаризм, референдумизм это представление местечкового потребилловца, интеллигентика о крупном хозяйстве, как о простом механическом сложении множества мелких хозяйств. Гординский плебисцитаризм-референдумизм это психология мелко-потребилловца, политический прудонизм; это идея создания политического банка, статистического бюро для политических мелко-хозяйчиков, мелко-потребил-

ловцев для „мирового“ (sic!) подсчета и об'единения(ничего себе единение выйдет!) всех натурал-политиков, всех натурально-политических единиц; это наанутопичнейшая, наипотребилловчейшая затея раздробления, декапитализации крупного шкурничества, крупного(национального, классового или партийного) интереса, крупной (национальной, классовой) политики. Это чистейшая департийная, подпартийная, де- и подклассовая, де-и поднациональная мелко-политика. Это типичнейшая де- и подполитика, которая вряд ли управится деревней, а не то городом, страной, а она, на потеху, угодила в какой то кукольный „универсал“, „хочет“ быть „мировым“, и таким образом создать единый „мир“ мелко-политиканов (мелко-политпотребилловцев), и к сугубому комизму еще на началах вычитанной из рукописи моего Плана идеи о „мировом“ едином хозяйстве и едином Человечестве и смехотворно прилепленной к анархо-автоорганизации, образуя какой то уродублюдок: универсал и индивидуал, б'еобизм и гординизм; проще, универсальный потребилловец, универсальная потребилловка со всеми ея „смаками“: универсальный кондом, универсальный „обрыв“; словом, универсально интериндивидуальное смакование: „Я“—Ты (женского рода) или „Ты“—„Я“ (женского рода),—интериндивидуал спальни, интериндивидуал двух лихорадящих друг друга анархо-личностей, на основах обоюдного частого референдумирования о получаемых

эффектах, о достижении или еще недостижении „самого интересного пункта“.

283. Анархо-плебисцитаризм, анархо-референдумизм это чистенький (уже без преступников) анархический „особняк-индивидуал“, индивидуализирующий (интериндивидуализирующий) с другими особняками-индивидуалами. Это подфедерация, подфедерализм, подместечковость, подобластничество, подпатриотизм. Это самопатриот; это самосемья, самонация, самогосударство, самокласс, самоинтернационал, самоматерик, самопартия и т. д. до самоуниверсума—самоуниверсала, анархо-универсала; словом, все „само“, только не „самопол“, ибо эти потребилловцы все таки предпочитают кондом и обрыв онанизму.

XXXIX. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ЗАКОНУ (т. е. к праву).

284. Человечество Всеизобретателей отвергает всякий закон, не только потому что он насильственный, но и (вернее, главным образом) потому что он не Изобретение.

285. Закон это застывшая регуляция (исполнительный труд) для дальнейшей регуляции, объектированная, как капитал есть объектированный труд для дальнейшего труда (примем пока).

286. Человечество предпочитает потому законное насилие простому насилию, как оно ставит применение капитала выше ручного труда.

287. Закон для государства это то, что капитал для фабрики.

288. Собрание законов, их тенденция к чрезмерному накоплению и нагромождению, эта же тенденция к концентрации капитала, бороться с которой путем простой деконцентрации (которая здесь называется децентрализацией, федерализацией, автономизацией, автоорганизацией) реакционно.

289. Та же концентрация капитала проявляется в милитаризме, в науке—нагромождение духокапитала (к тому еще „мертвого“, чисто-теоретического).

290. „Ломание государственной машины“—лозунг анархистов и некоторых социалистов так же реакционен и абсурден как практиковавшееся когда-то рабочими ломание машин.

291. Концентрацию всех видов капитала, как хозяйственного, так и государственного (юридического) и милитарного (военного) Человечество считает прогрессивным явлением из-за одного того, что она ведет к единству, к системе, упорядочивая хаос, анархию, неконномию и, таким образом, подготавливает почву для замены всей косной и давящей противоречивой разносистемной системы одной единой полносистемной вечноусовершенствуемой и вечно-изобретаемой системой, не знающей ни рутин, ни остановки, ни паузы—это Изобретание.

292. Принудительность закона, который на самом деле есть лишь социальный капитал, с точки зрения Человечества Всеизобретателей, такая же явная нелепость как принудительная

поездка по железной дороге, принудительность машины, капитала (хозяйственного или, как мы его называем, № 1).

293. Принудительность законов берет свое начало в их необъективности, в их абсолютном произволе, в субъективности, в чисто-шкурническом потребилловческом их характере, но тогда они абсолютно неизобретательны, противочеловечески, противоизобретательственны. Они тогда не законы — не нормы, а антиномии, не регуляторы, а анархизаторы, агенты беспорядка, факторы анархии.

294. Однако и в современном законе (т. е. не в отдельном законе, а в праве) всегда есть некоторая, хоть ничтожная, крупца объективности, во всяком случае, он претендует иметь таковую.

295. Не постольку, поскольку в нем эта объективность находится, он (т. е. Закон или право) не закон (принудительный), а социальный капитал.

296. Всякий капитал и труд же черпает свою силу и мощь, свое оправдание и существование из Изобретения, которое он эксплуатирует, угнетает, становясь господином над ним (т. е. над изобретением), будучи и долженствующи быть его рабом.

297. Капитал, как результат Изобретания, должен быть Средством Изобретания, а не средством самодовлеющего, коснеющего и вырождающегося потому производства; труд же — кассированным.

298. Капитал, будучи ближе к потреблению, к потребилловцу, шкурью, смакуну, паразиту,

снюхался с ним, заключив вместе один союз узурпации, эксплуатации, гегемонии и угнетения Изобретения.

299. Так получилось чудовищнейшее пресупление старой и современной „цивилизации“: капитал № 1, капитал № 2 (труд), капитал № 3 (закон, право) и капитал № 4 (власть, исполнительная), капитал № 5 (оружие) и капитал № 6 (муштра, повинность), будучи все созданием рук Изобретения, поработили его, живя все по его милости, эксплуатируя его, мучая его, изводя его, терзая его, душа его, убивая его.

300. Но Изобретение, сознавая себя, как таковое, как Всеизобретение, как создатель всего, нисвергнув все шесть капиталов, станет тем, что оно должно быть: все м. мало-помалу оттесняя, подчиняя, поглощая, и затем и упраздняя все шесть капиталов: № 1 и № 2 (труд) и № 3 (право) и № 4 (власть) и № 5 (оружие) и № 6 (повинность).

XXXX. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ВЛАСТИ (исполнительной).

301. В сущности, сам Закон и ныне не страшен, как сам капитал (№ 1) никогда кроме пользы не принес бы Человечу, зло начинается лишь при применении закона, значит, оно в капитале № 4, в исполнении, в власти, точно так же как в хозяйстве все отрицательное, все несчастье в труде, в капитале № 2, а не в капитале (№ 1).

302. Труд, капитал № 2, замкнут в несчастной альтернативе: или угнетать или быть угне-

тенным, эксплуатировать или быть эксплуатируемым: так ремесленник в средневековом цехе был паразитом, эксплуататором, будучи привилегирован; потеряв свои привилегии, демократизируясь, он стал парием, пролетарием, эксплуатируемым; а ныне он опять стремится к паразитации.

303. Точно так же капитал № 4, административный труд, все еще пребывающий в привилегированном состоянии, но уже обнаруживающий тенденцию перейти от своего средневековья, от своего ремесленничества к машинности, к демократизации, обречен на одно из двух: когда он привилегирован и насилует, он паразит-эксплуататор, насильник, демократизируясь-бюрократизируясь (что, в сущности, одно и то же), он парий, ужаснейше эксплуатируем, представляет собою самого несчастного рабочего: забитого канцеляриста, превращающегося в исходящую из приходящую бумагу.

304. Власть, таким образом, по мере того, как она, аналогично труду (капиталу № 2), теряет свою насильническую и привилегированность, становится канцелярским трудом, „службой“, капиталом № 4.

305. Демократизация государственных учреждений предпосылает наивысшую централизацию, бюрократизацию, юридизацию, следовательно, капитализацию (№ 3 и № 4).

306. При настоящей капитализации, закон перестает быть законом, т. е. чисто-принудительным, становясь очевидным социальным (юридиче-

ским) капиталом, а государственные учреждения, институты, канцелярии—правовыми, административными и проч. фабриками.

307. Противоречие между капиталом № 3 и капиталом № 4, т. е. между тем, что не хочет быть капиталом и все же осуждено этим быть и тем, что есть и должно быть капиталом, проще, между государственным (правовым) трудом и капиталом, как и противоречие между первым и потребителем, т. е. гражданином, подтолкнет и без того происходящий процесс механизации пока не приведет его к полной замене чиновничьего труда автоматом.

308. Тогда окончательно выявится ступенчатый и извращенный ныне истинный смысл соблюдения т. н. закона, обнаружится, что оно есть, ни дать ни взять, социальное потребление, что хорошенько объясняет его двуличие: смаковство, лакомство для одних (которые потому так усердствуют в его исполнении) и горькость, как полынь, для других (которые потому противодействуют ему всеми силами).

309. При отмене и замене закона Изобретением то, что называется ныне соблюдением закона, становится актом чистого потребления, актом эксплуатации и паразитации Изобретения и Изобретателя, для защиты себя от которых Человечество Изобретателей проводит автоматизацию учреждений, превращая их в автоматные, устанавливая, таким образом, сначала свой контроль над всем потреблением, затем регули-

ровку, а после свою полную диктатуру, полную планировку, полную априоризацию.

310. Эта автоматическая Диктатура Изобретателей, т. е. диктатура Человечества Всеизобретателей посредством изобретенных им автоматов, которая будет диктатурой над всем, а главным образом, над потреблением, положит конец современной полной анархии распределения и потребления и упразднит анархию и зло как фабричного производства, так судопроизводства, канцелярского делопроизводства и т. д., словом, всю паразитарную непродуктивную продукцию.

311. Очевидно, современные законы, как власть, ступеньвают, затуманивают, запутывают и извращают все „социальные“ понятия, а главное их зло это—прикрытие разными фигурными листами основной сущности современного „общества“, как и всех предыдущих „обществ“ с зародившейся до наших дней: эксплуатация и паразитация изобретателей, Человечества Изобретателей.

312. Однако, наложение хоть кой-какой (насколько потребилецу возможно обуздать потребилецца!) уады на потребилецца посредством законов, откачивание из потребилецческой бочки меду (каждый потребилецца фигурально живет в бочке меду сластолюбия) несколько в виде разверсток и налогов на какие нибудь „общественные“, хоть паразитарные, нужды, должно быть приветствуемо, как фабричное законодательство и обложение буржуазии налогами.

XXXI. ОТНОШЕНИЕ К РЕКВИЗИЦИИ, НАЦИОНАЛИЗАЦИИ, ОГОСУДАРСТВЛЕНИЮ, РАЗВЕРСТКЕ, НАЛОГУ и прочим мерам КОММУНИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА *).

313. В борьбе коммунистического государства с индивидуализмом, семьей, церковью, мелкобуржуазностью, торгашеством, свободной конкуренцией, спекуляцией, кустарничеством, артелями, кооперациями, мелко-коммунами, анархо-коммунами, профессиональными союзами, заводскими комитетами, шкурничеством, дезорганизацией и проч. и проч., как в борьбе государства-города-специализации с деревней-анархией-деспециализацией, Внегосударственное и надгосударственное Человечество, не прибегаясь конечно, к методам насилия, по существу стоит всей своей симпатией и беспристрастной агитацией за коммунистическое государство.

314. Будучи в принципе против всяких захватов, конфискаций, реквизиций, национализаций, насильственных разверсток, налогов, обложений, как действительного способа достижения истинного коммунизма (т. е. как мы это специально называем „антикоммунизма“: Человечественного Хозяйства), Человечество в большей мере против

*) Целый ряд глав напечатан не на своем месте из-за чисто-типографских соображений: отсутствие шрифта и тому подобное.

тех мелких собственников, кустарей, крестьян и буржуа, которых заслуженно постигает участь реквизиции, национализации, обложения и проч.

315. Человечество признает лишь одно средство борьбы против реквизиции, разверсток, налогов, обложений и национализаций государства: абсолютное отсутствие частной (даже национально-государственной) собственности, — это очеловечствление, т. е. отдача своей собственности, труда и изобретений не одному какому нибудь государству, а всему Человечеству.

316. Человечество Внегосударственников-Всеизобретателей, в отличие от анархизма, никогда не берет под свою защиту (до открытия им Человечествоусовершенствовальни для их лечения) преступников, индивидуалистов-личностей, семейников, кустарей, мелкособственников, крестьян, беспартийных рабочих, кооператоров, профсоюзников и прочих шкурников и цеховиков, которые дальше стоят от него, чем коммунистическое государство, лежащее, как национально-государственная коммунальная собственность, ближе к нему, как Человечественностной собственности.

317. Человечество, считая „огосударствление“ мелко-собственности и крупно-собственности прогрессивным актом, который все равно, и без насильственной национализации, должен был совершиться (в силу одного лишь экономического превосходства государства), проводит рядом свое „овнегосударствление“ надком-

мунистического надгосударственного Человечественного хозяйства.

318. Человечество, как лежащее уже по ту сторону государства социальная форма, как надгосударство, как антинациональное, следовательно, Человечественное по существу (даже в самом своем миниатюрном виде), как юридическое лицо Человечества, как юридическое лицо Новой Цивилизации: Всеизобретательства, не может быть включено в коммунистическое государство, хоть бы из-за одного того, что то, что последним считается недостижимым пока идеалом: равенство распределения, считается внутри Человечества анахронизмом, проведенным давно в самой строжайшей педантичной форме, — из-за одного его более высокого нравозобретательного уровня, изобретательной конструкции, словом, из-за противоречия его чистой жизни с грязной жизнью государства, в котором, несмотря на коммунизм, все еще кипит кишат воровство, проституция, пьянство, взяточничество, частно-собственничество, человеконенавистничество, эгоизм, лакомствование, кондомизм, расплачивание, захватничество, насилие и пр. и проч.

XXXII. ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМУ ХОЗЯЙСТВУ.

319. Человечество, как надкоммунистическое хозяйство, которое не принадлежит никакому народу, никакой стране, никакому государству.

никакому союзу наций и никакому интернационалу, никакой части света и т. д., а всему Человечеству в совокупности, как целому неделимому, как чистому понятию, как идеальному Человечеству-Абсолюту, — считает, что оно скорее вправе было бы [с чем должен согласиться и всякий честный благомыслящий коммунист], если бы оно признало бы насилие и захват, насильственно очеловечить (путем эксов, захвата, революции и т. п.) государственное, даже коммунистическое-государственное, не жели государство, опираясь на свой государственный коммунизм, вправе было бы национализировать человеческое имущество, что было бы не коммунизмом, а черносотенством, патриотизмом, национализмом, что шло бы в разрез даже с самым заурядным интернационализмом.

320. Человечество, рассматривало бы всякое такого рода поползновение (если таковое имело бы место, но что фактически пока не случилось и вряд ли случится в будущем) со стороны коммунистического государства по отношению к Всеизобретальне, как проявление национально-государственного мелко-собственности и шкурничества, и указало бы ему его должное место на человечествохозяйственной лестнице, над частной собственностью и мелко-собственностью, но под человеческой собственностью.

321. Коммунистическое государство вполне правильно ставит себя выше всякого мелкого хозяйства, мелкой коммуны, всякой другой какой

нибудь организации и общества, представляющих собою все, без исключения, только часть национального хозяйства, следовательно, что то поуже и пониже государства. Но оно должно сознать себя ниже Изобретальни-Человечествоизобретальни-Всеизобретальни, ниже Человечества, кладущего основу для человеческого, национального, надстранного, надгосударственного, Единого Изобретательного-Всеизобретательного Хозяйства и имущества, которое уже объявлено человеческим достоянием и фактически при надлежит всему Человечеству, Идеалу Человечества, языку АО и другим изобретениям Человеческой цивилизации, Всеизобретальни, служа лишь для их реализации и распространения и будучи зародышем Вечного Фонда Всеизобретания, так что покушающийся на него, злоупотребляющий им, уменьшающий и паразитствующий его есть враг Человечества, грабитель, эксплуататор Человечества и его Вечного Идеала (Предплана) Всеизобретания.

322. Всеизобретальня, Человечество, рассматривает национально-государственные системы хозяйства, как против-изобретательные, как отсталые и недальновидные, как мелко-собственность и эгоизм-шкурничество народов, вредные Человечеству и вредные и невыгодные даже самим своим обладателям, точь-в-точь, как мелкое хозяйство, глубже вникая, есть бич и гибель самих мелкособственников.

323. Национально-государственное в корне и „мировое“ лишь по обмену коммунистическое хозяйство должно быть ликвидировано, точно так же, как крестьянское хозяйство, как кустарное, как домашнее, как буржуазно-капиталистическое „мировое“ (т. е. „миро“-обменное, „миро“-спекулянтское, мироедское, мирозэксплуататорское), не только из-за морализаторских, альтруистически-идеальных мотивов, но из-за чисто-утилитарных соображений сбережения человеческого труда, энергии, а главное, для поощрения усовершенствовательства и изобретательства, так что национализация, не являющаяся лишь ступенью к очеловечивлению, но еще осмеливающаяся бороться с последним, подходит под категорию частной собственности и подводится под формулу: „национально-государственная собственность есть кража у Человечества“.

324. Человечество стремится к ликвидации национально-хозяйственных единиц не через простое насилие и не через организованную всеобщую экспроприацию государственного имущества, а посредством устройства рядом с государством своего Человечественного Всеизобретательного Хозяйства, которое современем, через много лет, должно будет побить, обесценить, вытеснить и окончательно ликвидировать государственные, как вообще все паразитарные (т. е. не изобретательские, не основанные на диктатуре Изобретения, а на эксплуатации Изобретения и Изобретателя) хозяйства.

325. Человечество Всеизобретателей рассматривает все типы, бывшие или проектируемые хозяйства, и так наз. „мирового“, лишь как противохозяйства, как антиэкономики, как потребилочки, обжиралки, смаковальни, лихорадильни и проч., как паразитарные осинные гнезда, как кучи навоза для жуков-потребилочцев, как болота для нечистоплотных тварей . . . и клеймит говоруноство о мировом анархическом хозяйстве, как утопию мирового паразитаризма, мирового анархического особняка в бочке меду—это анархический эдем интериндивидуала Адама и Евы, двух паразитов без третьего, змия-власти, о котором следует сказать, перефразируя старую сказочную формулу: меду пил и пью, паразитствовал и паразитствую, в рот попало и попадет, но „меня там не было“, ибо это страна „млечных рек и кисельных берегов“, идеал всеобщего паразитства для успокоения совести универсал-паразитов.

XXXXIII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К „ПРОГРЕССИВНОЙ“ АНАРХИИ.

326. Анархия, право случайно сильного, принимая более определенный постоянный „организованный“ характер, становится властью индивида над индивидом, т. е. постоянно сильного над постоянно слабым, затем постепенно исторически-этапно принимает все более сложные формы: власть пола над полом, семья над семьей, нации

над нацией, государства над государством, класса над классом, пока, наконец, не выявляет своей основной припрятанной сущности в „прогрессивной“ анархии: эксплуатацию Человечества нечеловечеством, Изобретателя—паразитом, Человечества Изобретателей—паразитом (т. е. паразитарным обществом).

327. Человечество принципиально рассматривает все эти формы лишь как различные проявления анархии, безалаберности, антисоциальности, и их правовые нормы как ненормы, их законы как беззаконие, их право—как бесправие, точно так же как оно клеймит все бывшие виды хозяйства: натуральное, феодальное, ремесленно-цеховое, капиталистическое, социалистическое—разорением, антиэкономией, противохозяйством.

328. Одно то, что это „великолепное“ общество вышло из анархии, т. е. из беспорядка, инкурничества и потребилловчества и ныне на наших глазах возвращается к анархии, один тот факт, что через многотысячелетнюю „цивилизацию“ это общество ныне опять стоит перед грозным призраком первобытного одичания, первобытного нагого без „цивилизационного“ пояса стыда потребилловчества, смаковства и спаривания (свободная любовь) говорит ясно, что эта культурная чехарда есть топтание на месте, что она лишь маскировка, пышный маскарад для прикрытия своего истинно паразитарного анархического лица, что оно лишь отвод глаз от основного, сущностного, вопиющего, от той антисоциальности,

паразитства, и эксплуатации, которая сама мстит, сводя все бывшие общества, семьи, роды, нации, государства, сословия, классы в могилу.

329. Перечисленные виды угнетения и эксплуатации, как и все, которые еще могут быть прибавлены, суть лишь производные, частные, побочные основного угнетения Человечества или же удачный маневр ступенькивания последнего, а нередко еще хуже, идеология угнетателей, эксплуататоров Человечества, маскирующаяся в угнетенность, обиженность.

330. Человечество Всеизобретателей приветствует потому последнее выступление анархии на арену истории под открытым забралом без маскировки, именно как чистая оформленная и выкристаллизованная идеология паразитата (паразитарного общества), словом, как анархизм.

331. Человечество Всеизобретателей рассматривает, с этой точки зрения, всю историю цивилизации лишь как введение, всякую бывшую борьбу, эксплуатацию и угнетение, как маневр отвлечения внимания, всякую революцию, переворот и проч. лишь как подготовку к генеральному бою, к сражению между Изобретательством и анархией, между паразитом и Человечеством, между Изобретателем и потребилловцем.

332. Человечество считает, что это не только будет последний и решительный бой, но что он и первый, пронизывающий всю историю цивилизации.

333. И рабовладелец и раб, и помещик и

крепостной, и мастер, подмастерье и заказчик, и фабрикант, рабочий и покупатель-потребитель — все они жили и живут насчет эксплуатации, угнетения и удушения Изобретения, Изобретателя, Человечества.

334. То, что было ступено до сих пор, выступает все более наружу.

335. „Прогрессивная“ анархия все более становится тем, чем оно должно быть: определенной идеологией паразитата, античеловечества потребителей.

336. История Цивилизации это лишь одна борьба Человечества с античеловечеством, Человечества Изобретателей с античеловечеством потребителей.

337. Роковая историческая миссия, миссия „умной“ анархии это выявить, довести своим цинизмом, не знающим стыда, до очевидности то, что было скрыто, то, что было задернуто дыжкой религии и науки, „богом“ и „природой“.

338. Эта анархия начертала на своем знамени не разрушение и не создание, а наслаждение (см. „Анархизм-универсализм“), сластолюбие, смакомство, междусовокупление, интерсексуал, величайший „интериндивидуалом“, который, однако, не был бы вкусен, не имел бы смаку, если бы за ним не скрылся бы его истинный смысл, „первопричина“: интерсексуал.

339. Этот интериндивидуал — это свинятник, уборная пола; эта анархия это свобода еженочного совокупления, его дух — не дух разрушения,

не дух создания, а запирающий, жгущий дух обрыва, дух взаимопотребительности, взаимосмаковости, взаимопожирания, взаиможизнесожигания, а если нет взаимности, то автосмаковость, самопотребление: онанизм.

340. Эта „прогрессивная“ анархия, потребительская анархия, перво-универсал которой есть спальня, — вечно диктовала, диктует и может скоро будет абсолютно диктовать пока не придет Изобретатель и, как легендарный Геракл, прочистит и продезинфицирует свинятник потребительской анархии.

341. Пока что из грязного мутного омута естества, наинищего потребительства выплывает жующее, смакующее, а главное совокупающее грязное существо, которое занимает на наших глазах авансцену истории, ибо перед его жаждой совокупления и смаковости — пассуют все кумиры: жажда власти, маммоны, жажда крови; пассуют и капитализм и бюрократизм и милитаризм и либерализм и социализм и коммунизм, которые, ежась, отступают и уступают свое место новому анархическому строю — аномальному сексуализму, чистому паразитизму, диктатуре пола (интериндивидуализму), как диктатуре чистого потребительства.

342. Эта „прогрессивная“ анархия уже торжествует, она покорит весь мир, поглотит все, ибо в сущности она всегда диктовала, и тогда, когда еще не было и слова „диктатура“.

343. Эта „прогрессивная“ анархия не бросает бомб, не бунтует, а смакует, потребительствует всласть.

344. Ея анархия универсальна, всемирна, ибо бунтовать, бросать бомбу можно лишь местнически, партизански, но смаковать, потребительство, кондомировать и „обрыв“ировать можно универсально, сразу во всемирном масштабе, свлачивая вокруг себя всех потребилковцев, всех эмакунов всех частей света, всех презервативистов.

345. Расшифровать этот „прогресс“, раскрыть сущность этих анархо-автоорганизаций, этих „вольностей“, этих „слобод“—вот роковая миссия анархистов „прогрессивных“, анархо-презервативистов.

346. „Вольный труд“ разных Солоновичей—этот крик и вопль о будто утерянном рае паразитства,—одно недоразумение, ибо потребилковец и своевольный паразит неистребим пока за него не возьмется Изобретение, пока она не изобретет против него порошок, еще лучше, самопорошок.

347. Крик автоорганизации расшифрует себя, наконец, как „не мешай мне в самом интересном пункте“ в его лирически грозное „не убий“,—как „не убий“ моего „интереса“, моей половой потенции, моего онанизма и душо-онанизма, обрывизма и душо-обрывизма.

348. Эта анархия, эта диктатура потребилковчества не уничтожит ни местничества ни цеховизма, ни семьи, ни нации, ни государства, ибо она, по миновении либеральной романтики и лирики, убедится, что все они собственно плоть от ея потребилковческой плоти, кость от ея бескостности, от ея бескостного. . . .

349. Эта анархия это фальшивый либерализм потребилковца, означающий свободу эксплуатации и паразитства, т. е. диктатуру потребления, наслаждения, которая сразу покажет себя как таковая, как диктатура, при первой попытке Изобретателя пошатнуть ее требуя контроля над потреблением, над разнузданнейшей вакханалией эксплуатации, паразитства, потребилковчества.

350. Эта анархия уже чувствует роковую гибель и трепещет перед надвигающейся грозой, перед выступлением Человечества Всеизобретательства, мобилизует все черные силы, хватается за „универсал“.

351. Новая цивилизация: Всеизобретательство сметет весь этот мусор в общую универсальную мусорную кучу прошлого варварства, грязного мира эксплуатации и паразитации Изобретательства.

XXXXIV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПРОЕКТИРУЕМЫМ АНАРХО-УНИВЕРСАЛАМ.

352. Человечество Всеизобретателей выражает свое сомнение насчет способности потребилковцев поддаться хоть до потребилковческого универсала.

353. Если бы это все же случилось, то это было бы конечно лишь верхом паразитства, наинтенсивнейшее и наиразнузданнейшее потребилковчество.

354. Этот универсал, сам по себе, своим возникновением и существованием был бы наивопишнейшей эксплуатацией Изобретательства, Изобрета-

телей, ибо он носит печать Каина, плагиата, эксплуатации и паразитства с своего рождения.

355. Точно так же, как лига наций есть лишь институт буржуазных эксплуататоров для защиты своей эксплуатации, так и вождельный поганый „универсал“ есть институт анархических эксплуататоров, паразитов, потребиловцев для защиты своей эксплуатации, паразитации и потребительства Человечества Изобретателей, Изобретательства.

356. Точно так же как идея лиги наций есть плагиат буржуазии у пролетариата, плагиат-эксплуатация рабочего интернационала, точно так же анархический универсал это плагиат анархических эксплуататоров, паразитов, потребиловцев у Человечества Изобретателей.

357. И дальше, точно так же как мудрый Вильсон совершил простой плагиат, не гнушаясь им, ибо для эксплуататоров, бандитов капитала „законы не писаны“, точно так же „мудрый анархический“ дипломат, лисица, плагиатировал Человечество Изобретателей, выдвигая проект универсала потребиловцев для борьбы с Человечеством, для обеспечения анархической эксплуатации и паразитства, для упрочения позиции и идеологии потребиловцев, пошатнувшейся от изобретения Человечества,—проект контр-человечества, античеловечества, проект объединения всех мироедов, миропаразитов, сплочения потребиловцев всего мира, воздвигания „мировой“ бастилии потребиловцев для сугубого плагиатства,

эксплуатации и паразитации Изобретателей, Человечества, Всеизобретательства,—с чистой анархической совестью.

358. Пока что анархические универсалы суть лишь жалкие попытки мелкого синдиката потребиловцев, не представляющие серьезной опасности, но, сближаясь и сдвужаясь через анархосиндикализм с начинающим уже разлагаться производителем, превращая его, и без того скользящего по покато́й плоскости потребиловчества, через потребиловческую кооперацию к все большему паразитизму,—в полнопаразита, словом, в „личность“, они приведут „общество“ к анархическому особняку, к опоражнению бочек меду и масла днем и опоражнению семенных пузырьков ночью.

359. Однако Человечество Всеизобретателей, предпочитающее везде систему, планомерность, всеобщность, желало бы иметь как противодействующую ему силу, желало бы видеть даже его главного врага, главного эксплуататора и паразита, как что то целое, организованное, с которым легче будет вести систематическую борьбу, нежели с безымянными мешечниками.

360. Человечество Всеизобретателей предпочитает потому иметь схватку, вести историческую борьбу не с разрозненными шайками потребиловцев, с анархическими бандами, а с организованным античеловечеством, с сплоченным паразитом, над которым можно будет, в конце концов, одержать победу.

361. С другой стороны, Человечество Всеизобретателей рассматривает все похождения анархических потребиловцев лишь как недоразумения, которые устранятся по мере выступления на сцену Истинного Создателя Всей Цивилизации и заявления им своих прав всему потребиловческому миру вкуче.

362. Анархические потребиловцы узнают тогда ту истину, которую они скрывают от других и себя, что их универсал на самом деле фактически и существует в единой мировой эксплуатации и паразитации Человечества, а вопрос совсем в другой плоскости: будет ли он существовать, не сломит ли, наконец, Всеизобретательство извечную диктатуру потребиловчества, анархии, естества, городского естества: капитала, заменяя ее Диктатурой Всеизобретения.

363. Анархисты тогда поймут свою истинную задачу—быть авангардом паразитата, взять на себя не вовсе им неподобающую роль революционеров, бунтарей, а быть надежнейшим оплотом существующего смакунства, потребиловчества.—в чем именно увидит свою главную задачу будущий анархический универсал, который бросит свою либеральную романтику к черту, точно также как ныне лига наций.

364. Такой всистину понимающий свои шкурные интересы универсал Человечество Всеизобретателей считает „реальностью“, он необходим, и он бесспорно будет как „противоядие“ против „заразы“ Человечества Всеизобретателей.

он будет последней черной плотиной против океана Всеизобретательства, лишь по снесении которой наступит Истинная Вечная Свобода, Диктатура Всеизобретения.

365. Нынешние же бредни анархистов об универсализме это бредни романтиков потребиловчества, воинственно настроенных радикал-потребиловцев, аналогичные космополитическим затеям-игре радикал-буржуа после французской революции.

366. Этот универсал—утопия чистой воды, ибо радикал-потребиловец так же призван и способен осуществить какой то универсализм, как радикал-буржуазия—ея космополитизм.

367. Истинный потребиловческий „универсализм“, реальный громоотвод против Человечества Изобретателей, еще будет создан другой более умной лисицей, в сравнении с которой нынешняя радикал-потребиловческая лисица окажется лишь жалким романтиком, несчастным радикал-буржуазным утопистом.

368. Нынешняя формулировка анархического универсала мы считаем сплошным заблуждением, следствием, отрывкой старо-анархических анти-социальных методов, которые сплошь да рядом представляют собой различные степени непонимания своих собственных потребиловческих интересов.

369. Однако лозунг „через социализм“ обнаруживает отрезвление и показывает, что эта часть более умных потребиловцев чуточку начинает понимать свою „историческую миссию“: быть авангардом потребиловцев.

XXXXV. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ШЕСТИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ СПОСОБАМ АНТИСОЦИАЛИЗАЦИИ, ПРОТИВОЧЕЛОВЕЧЕСТВЕННОСТИ.

370. Человечество рассматривает все исторические формы закона (права) и анархии (как начала закона), как милитаристические, т. е. как мирный милитаризм, задача которого обеспечение эксплуатации Человечества, обеспечение паразитства, и потребилловчества, и рост его—как рост милитаризма.

371. Капитализм, юридикзм и милитаризм образуют триединство эксплуатации и угнетения Человечества, Изобретателей, Изобретения.

372. Капитал, величаемый потребилловцами орудием производства, есть ныне не что иное как орудие паразитства, роскоши, смакования и вырождения, а главное, орудие эксплуатации Изобретателя, Человечества.

373. Капитал № 3, величаемый правом, законом, есть лишь орудие угнетения Изобретателя, Человечества.

374. Оружие (капитал № 5) есть орудие убийства Человечества, убийства Изобретателя им же самим изобретенным оружием.

375. Эти три неодушевленных капитала: капитал, закон и оружие имеют каждый по одной живой жертве, которая в одно и то же время, будучи его жертвой, является его пособником; так что к трем неодушевленным капиталам пристя-

живаются три одушевленных капитала: № 2 (труд), № 4 (служба) и № 6 (повинность), которые так же, несмотря на то что все они творения Изобретателя, стали ныне его эксплуататорами, паразитами, угнетателями.

376. Величаемое трудом есть не что иное как плагиат, эксплуатация и паразитация Изобретателя, который изобрел этот метод труда, этот способ применения орудия, который и сам есть капитал, а пользующийся им, трудящийся, есть не что иное как капиталист (по отношению к Изобретателю), присвоивший себе то, что создано другими, что отобрано и уворовано у них, у Человечества Изобретателей, которое создало все богатство, все ценности, все капиталы, все орудия и все способы применения орудий. Труд, таким образом, есть лишь капитал № 2, чем он становится еще больше, по мере тейлоризации-механизации приемов труда, и рабочий, ремесленник и т. п., постольку, поскольку они применяют новейшие способы, являются лишь капиталистами № 2, живущими на счет Изобретателей, на счет Человечества Всеизобретателей, значит, эксплуатации, а постольку, поскольку они применяют отсталые или чуть устаревшие способы, т. е. применяют старый способ, когда уже изобретен новый—паразитами. Пользуясь же роскошью, они уже простые потребилловцы, обыкновенные паразиты.

377. Величаемое „службой“ есть специфический труд по угнетению Человечества Изобретателей, применение юридических орудий, которые

Человечество изобрело для блага, против него самого, для его собственного угнетения. Служба есть такая же эксплуатация Изобретателя, как труд рабочего, ремесленника, представляя собою, как последний, лишь продукт изобретения и, все более механизуясь, становится лишь капиталом № 4.

378. Величаемой „повинностью“ так же есть или непосредственная эксплуатация, угнетение и убийство Человечества Изобретателей или посредственная, становясь капиталом № 6.

379. Шесть капиталов должны рассматриваться как шесть анархий, антипланов, шесть эксплуатаций и угнетений, сводящихся к одной: к эксплуатации Человечества Изобретателей им же созданным-изобретенным капиталом, им же созданной-изобретенной цивилизацией, — начинающейся с капитала № 1, через капитал № 2, усиливающейся в законах, тюрьмах и проч., значит, в капитале № 3 и 4 к кульминирующей в капитале № 5 и № 6.

380. Человечество Всеизобретателей окончательно освободит себя, освободит все Человечество, лишь тогда, когда капитал будет нисвергнут вместе с ним все производство, судопроизводство, убийствопроизводство, другими словами, когда будет упразднена тройственная система продукции: потребилловческая продукция роскоши, законов и трупов, и заменена Единым Изобретанием: изобретанием полезного (изобретства), планомерного (не шкурнически „законного“, „правового“) и безопасного-защитного, словом, Единым Человечествопланс.

381. Место капитала займет тогда Изобретение, место закона—План, место мировых боен—безубойная война, бескровный бой автоматов, танков или автоматов-аэропланов или чистая безубойная защита. И место несчастных трех паразитов, трех мучеников-палачей: рабочего, чиновника и воина—займут три автомата.

XXXXVI. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВСЕ-ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ К ОРГАНИЗАЦИИ.

382. Каждая организация есть паразит, как таковая, ибо она ничего не создает, не изобретает, а лишь паразитирует, эксплуатируя Изобретание, и к сугубой своей преступности, издеваясь над последним, создавая для него „черту оседлости“, отрицая его пользу и применимость в социальной области.

383. Само название „организация“, как „организическая“ теория общества, словечки: „органы“ власти, партийные „органы“ и проч. суть наиразнузданнейшая эксплуатация, паразитация Изобретения, верх потребилловческой психологии, узурпации не только материальных прав Изобретания, но и его духовных.

384. Спор организатора с организуемым это спор двух паразитов, двух лодырей, двух потребилловцев, двух емакунов об уворованном лакомом куске, двух хищников о львиной доле добычи, аналогично бывшей драке между дворян-

ством и буржуазией, которые однако сразу оказались кровными друзьями при диктатуре пролетариата.

385. Человечество Всеизобретателей убеждено, что при провозглашении диктатуры Человечества Изобретателей „организаторы“ и „организуемые“ сольются вместе в одном братском союзе, в одном „универсале“, как один паразитат для общей эксплуатации и борьбы с Изобретателями, с Человечеством.

386. Триумфальное шествие Новой Цивилизации сорвет все эти дымки, обнажая паразитарные физиономии всех потребилковцев.

387. По упразднении привилегий организаторов, устранение чехового характера организации, организатор есть „служащий“, „приказчик“, словом, жалкий рабочий, парий, пролетарий.

388. Организатор: рабовладелец, помещик, мастер, капиталист и пр. есть эксплуататор эксплуататора, паразит паразита пока он привилегирован. Когда он становится „служащим“, он или просто паразит или же, будучи сам паразитом Изобретателей, становится и жертвой, делаясь, в свою очередь, предметом эксплуатации потребилковцем, „организуемым“.

389. Человечество, отвергая организацию, как паразитариум, как оранжерею паразитов, как культ биологического естества, органической природы, провозглашает как всеобщую и единственную Человечествоизобретательную форму: Изобретательную (Человечествоизобретательную), которая

впоследствии должна стать и единственной формой всего: и „духа“ и „тела“ и „мира“, „вселенной“, словом, Всеизобретательной, Вечной и Бесконечной до Абсолюта и Надабсолюта, так что „орган“ будет орудием (как по гречески), „тело“ — жизнемашиной, маленькой изобретательной (вместо „микрокосм“), „мир“ — крупноизобретательной („макрокосм“), „дух“ — всепланоизобретательной.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ

Конструкция Человечествоизобретательной-Всеизобретательной.

XXXVII. ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

390. Человечество отвергает лишь государственность, но не государство, т. е. считает вредным, безнравственноизобретательным и противочеловечествоизобретательным не само государство, т. е. даже не громадность, его количественность, еще менее, рост общественности, что в нем (который как раз есть изобретательный шаг вперед и о котором можно лишь сожалеть, что он замкнут в национальных или территориальных рамках, вследствие чего он осужден быть противочеловечественным), а его насильственный метод, так что Человечество в отличие от анархизма и реакционных анархических коммун, по существу, в принципе, всегда согласно и солидарно со всеми хозяйственными введениями коммунисти-

ческого государства, со всеми его мероприятиями, одобряя в них преодоление, как мелко-хозяйничества, так и крупно-буржуазности, пайщичества, кооперации, цеховщины, профессиональности, но не беря на себя ответственности за насильственное проведение всех этих мер, которые, правда, более медленно, но зато более надежно, полно, совершенно, идеально, (после) даже быстрее, можно было бы, по убеждению Человечества, обеспечить чисто изобретательным путем.

391. С точки зрения чистого социального изобретательства, коммунистическое государство, как таковое, т. е. как общественная структура, прогрессивнее, человечествоизобретательнее (социологически) выше, чем профессиональное, индустриальное, синдикалистское и интериндивидуальное общество, уступая последним лишь временно своей чрезмерно-насильнической оболочкой и, следовательно, не столько по существу, сколько по случайному и временному отделимому признаку: „диктатура“, в которой гораздо больше, чем коммунистическое государство, виноваты бесчисленные ее враги: буржуазия, мелко-буржуазия, крестьянство, кустарье и всякое шкурье, мещанство, индивидуализм, цеховизм-синдикализм, анархизм и проч.

392. Человечество принципиально лишь против количественного метода, применяемого, правда, всеми неправильными противочеловеческими общественностями, как-то: семьей, национальностью, расой, словом, всеми противочеловечествами,

но достигающего в государстве и в союзе государств, в интернационале, свою кульминационную точку,—это нагромождение шкурников для составления будто идеальной общественности, проще, создание „общественности“ на эгоистических, материалистических (не в метафизическом, а в противонаравноизобретательном смысле), интересистских паразитарнопотребительческих началах.

XLVIII. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ И ЕГО ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ.

393. Изобретательная есть изобретенное, идеальное (и потому непринудительное), Человечество государственной конструкции, централизованной конструкции, однакож, в виду ее центробежности, априорности (и не центростремительности, апостериорной объединенченности) правильное будет, если эту конструкцию назовем надгосударственной, чем обозначим и ее большую усложненность, большую усовершенствованность, ее совершенную изобретенность, наибольшую и невозможную расширенность и в одно и то же время наивысшее и наиболее полное ее единство.

394. Круг государственной урегулировки замыкается лишь в социальных отношениях, между тем, как Человечествоизобретательная, в широком смысле (как Всеизобретательная), ставит себе целью одинаковое изобретание как „социальных“, так и так называемых космических, биологических и психических отношений. Отношения Человека к так наз. миру (вселенной, правильнее, ко всему), к своему телу и духу в Изобретательной в той же мере подлежат изобретанию, как отношения человека к человеку. И потому наиболее подходящим словом для обозначения полноты, широты и единства всеизобретательной конструкции

Всеизобретальни это—„Цивилизационная“, а для обозначения социального размаха и охвата, как и будущего торжества Человечества над „всеми“—„Человечественная“.

395. Целая, неделимая, цивилизационная и человеческая структура Человечествоизобретальни содержит в себе, так сказать четыре механизма или машины (если употреблять технический термин) или Плана (если употреблять изобретательный термин), заимствованный из зачаточного и в современном естественном обществе изобретательства, а именно: „всеоплан“, Человечествоплан, телоплан и духоплан (духо-телоплан), приводимые в движение одним общим двигателем (технический язык) или представляющие собою один общий План (если употреблять изобретательный термин), один всеизобретательный План.

396. Более специальными терминами первый, т. е. так назыв. „мироплан“, обозначается, как всеоизобретательство, дальше: Человечествоизобретательство, телоизобретательство (жизнеизобретательство), духоизобретательство (изобретательство), представляющие все лишь разветвления одного единого Всеизобретательства, истекающего и смыкающегося в одном едином стремлении к всеусовершенствованию и всеизобретению,— в одной единой изобретательности, Всеизобретательности.

397. Но Изобретальни не только количественно различна от государства: полнопротой и полноединством, по и качественно, значит, не только конструктивно, но и функционально или модально: она не регулирует (ибо всякая регулировка есть ублюдок естества и изобретения, синкретизм, дисгармония, анархия), а изобретает, предизобретает, планирует и поизобретает, применяет.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДЕЛ.

Тактика Человечествоизобретальни.

XLIX. ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗБРЕТАЛЬНЯ И НАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА.

398. Так как Изобретальни по своей конструкции шире государства, то главный ее удар направлен не по государству, а по всей старой цивилизации.

399. Всеизобретальни рассматривает тяжбу с государством лишь как частное ее борби с естественным обществом, религиозно-научным обществом, которое по существу, насильственно, и видит в победе Всеизобретательства, в торжестве Человека-Человечества над всем его гнетущим, так назыв. „вселенческим“ „социальным“, телесным и духовным злом, и торжество Человека-изобретателя над государственностью, как насильственной формой общественности, лижобщественности, и над государством, как узким, недостаточным лжеоб'единением людей, неизобретательным, естественным или малоизобретательным, национально-территориальным, национально-лигвистическим (языковым) примитивным и нечеловеческим, словом, над противочеловечествами и противоизобретательствами.

400. Изобретальни видит потому свою основную задачу в создании новой цивилизации, которая могла бы заменить и изобретательномирно, путем отеснения и вытеснения, сликвидировать весь старый естественный мир, и уж тем самым и государство, как одного из видов социального естества, капитала № 3.

401. Изобретальни, по своей изобретательной, всеизобретательной конструкции, чужда всякому применению насилия, как внутри себя,

так и вне себя, считая всякое насилие банхротством изобретательства, по существу являющегося лишь олицетворением, реализацией могущества и свободы-долга Человечества-Идеала, Человечества-Абсолюта.

402. Изобретательна чужда всякому насилию и потому, что она человечественна, изобретает Человечество, и всякая мысль о насилии над Человечеством, о „мировом“ государстве, и еще более о мировой республике, есть абсурд, ибо насильственно государственньй аппарат, как национальный, способен лишь управлять-насилловать отдельные народы, но не Человечество, так что государство не только неспособно (и помянуть не должно, если не желает провалиться) охватить Человечество, но даже и большое число народов, о что всегда разбивались и ныне разбиваются большие империи.

403. Человечествоизобретательна же, рассчитывая на свои изобретательныя силы, на свой „мировой“ язык, на свою единохозяйственность и пр. и проч., на силу его Единого Изобретенного Питания, на его Планы, которые обезпечат Всеизобретателям здоровье, неимоверное долголетие, если не бессмертие, на его чистейший альтруизм и идеализм, т. е. правоизобретательство, на его духоизобретательство, на изобретенное им т. н. „духоспокойствие“ и „счастье“, на колоссальнейшие его изобретения во всех областях, словом, как Всеизобретательна,—строй заранее, с самого начала, не национально-территориальное и даже не интернациональное и не индивидуальное общество, а Человечество, Человечество антинациональное и антииндивидуальное и внегосударственное;—уверена, что со временем в нее добровольно включится все старое личечеловечество,

все бывшие народы, все бывшие государства и бывшие индивиды, все без исключения: ссылаясь на факт беснасильственного распространения отдельных изобретений по всему земному шару, Человечество с еще большим правом ожидает такой участи для единой системы всех изобретений, для Всеизобретательства.

404. Человечество, таким образом, мирно-изобретательным путем, одним превосходством своей цивилизации и культуры, поглотит все государства, стирая заранее все следы национальной розни, сведя заранее на нет территориальные границы и проч.,—установлением единого человечественного хозяйства, базирующегося на единой всеизобретательной цивилизации и оперирующего единым человечественным языком: АО и Скороизобретонисью.

405. Единое надкапиталистическое и надкоммунистическое человечественное, абсолютно-человечественное, хозяйство, без денег и товарообмена (единое потому, что оно надкоммунистически, и надкоммунистическое потому, что оно едино), основанное на едином человечественном языке, не мессиански фантазируемое, а реально-изобретательно осуществляемое (ибо Всеизобретательна, Человечество, в самом своем крохотнейшем виде уже представляет собою изобретательное человечественное хозяйство), без власти и преступности, без индивидуализма и общестственности и проч., даст со временем такие выгоды, которые затмят собою преимущества национально-государственного или интернационально-государственного коммунизма, точно так же, как крупное производство опередило и побито кустарничество, так что не трудно будет Человечеству, Всеизобретательне, опираясь, помимо своих правоизобретательных преимуществ

на колоссальную силу своего всеизобретательства, на изобретения свои, применять которых государству будет не под силу и не понутру, — и экономически, современем, побить государство.

406. Человечествоизобретальня тем более чужда насилию внутри себя, ибо тем самым оно перестало бы быть новым Человечеством, Качественным, Изобретенным, и — уже нечего говорить — Человечеством - Идеалом, Человечеством - Абсолютном, удаляясь от последнего в той мере, в какой оно бы прибегло к насилию.

407. Человечество потому и считает всякое насилие над ним, откуда бы оно бы ни исходило: из государства ли или из другого какого-нибудь противочеловечества — посрамлением, изнасилованием идеала о Человечестве, надруганием над Человечеством, над самим собою, над всем человечествовиным, что в старом полочеловеческом и полуживотном человечестве.

Л. ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАЛЬНЯ II ПРОПАГАНДА.

408. Человечествоизобретальня, в принципе, допускает только один вид пропаганды, пропаганды действием, но не анархическим, разрушительным (представляющим собою противочеловечественность), а изобретательным действием, внегосударственным, человечественным мирным изобретательством, точнее, „пропаганды изобретением“, считая всякую другую агитацию лишь магией, магией слова.

409. Тем не менее, временно, до сооружения громадной законченной Человечествоизобретальни, Человечество прибегает и к обыкновенной агитации, печатной и устной.

410. Изобретальня считает обнародование своих изобретаемых и усовершенствуемых Планов,

долженствующих, в принципе намечаться — начертаться Предизобретальней (т. е. предизобретательным отделом), изобретаться, разрабатываться в Изобретальне и реализоваться в Поизобретальне, — „пропагандой изобретением“.

411. Хозяйствопланы, изобретаются Хозяйствоизобретальней, Правопланы — правоизобретальней, Нравопланы — правоизобретальней и т. д. и произобретаются, проверяются Человечествоизобретальней и Всеизобретальней.

412. Планы Человечествоизобретальни — это не застывшие религиозные или научные догмы, не догмы церкви и не программы партий, принятые путем голосования и т. п., а изобретательные бюллетени, главным образом предизобретательного отдела Человечествоизобретальни - Всеизобретальни, все дальше изобретаемые и все более усовершенствуемые, переизобретаемые и переусовершенствуемые до бесконечности, без малейшей инерции, без примеси какой бы то ни было ничтожной меры консерватизма.

ЛЛ. ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАЛЬНЯ, КАК ФОРМУЛА МИРА И ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИРА.

413. Изобретальня, по существу своему, есть формула мира и предложение мира государству, обществу, словом, всем, всему паразитарному обществу (паразитату).

414. Человечествоизобретальня и своим существом и своим словом всегда предлагает государству и обществу, т. е. всем анархиям, мир.

415. Человечество готово всегда покупать мир какой угодно ценой, за исключением рабства, т. е. внутригосударственности.

416. Человечество занимается лишь своим внегосударственным надгосударственным изобре-

тательством, ведя неуклонно мирно свою внешнегосударственную линию, никогда не поддаваясь никакому политиканству.

417. Человечество предлагает мир всем государствам, всем партиям, всему государственному паразитарному миру, тем более коммунистическому государству, на основании признания за Всеизобретателями права на вытеснение из государства и сооружения рядом с ним надгосударственного Единого Человечества для мирного внешнегосударственного идеально-надгосударственного изобретательства, борющегося с низменными индивидуальными, личными, анархическими, земейными, частнособственническими, кулацкими, цеховыми, роскошничествами, преступными, сифилитичными, половыми, алкогольными и проч. потребилловскими тенденциями испорченного паразитарного естественного общества.

418. Всеизобретательня для Всеизобретателей (т. е. внешнегосударство для внешнегосударственников-Всеизобретателей), государство для государственников—вот формула мира Человечества-Всеизобретательни.

419. Внегосударственность для внешнегосударственников, Надгосударственников, не вязнущих в подгосударстве и переросших догосударство (индивидуальность, семью, кулачество) и государство; паразитарное государство для государственников, подгосударственников, догосударственников и государстворазрушителей (преступников, экспроприаторов, анархистов и проч.).

ЛП. ЧЕЛОВЕЧЕСТВОИЗОБРЕТАТЕЛЬНЯ И АНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

420. Рассматривая государство лишь как организованную анархию и анархию лишь как де-

зорганизованную государственность (или государство), Человечество Всеизобретателей не может стоять за анархическую революцию, которая означает для него лишь дезорганизацию революции.

421. Человечество, отвергая, в принципе, всякую войну и всякую революцию, как противоизобретательные, разрушительные, следовательно, паразитарные формы, тем не менее предпочитает планомерную правовую, согласующуюся хоть с современным паразитарно-разбойничьим международным правом войну партизанщине, пиратски-бандитской войне и точно так же организованную революцию—анархической, словом, революцию—бунту, мятежу и проч.

422. Человечествоизобретательня уверена, что, если анархисты, бывшие и даже современного типа (анархисты-дезорганизаторы, авто-организаторы и проч.), захватили бы власть, тем более, если уничтожили бы власть, как организованную анархию, творя свою неорганизованную (или малоорганизованную, скверноорганизованную и низкоорганизованную) анархию, то очень скоро им бы удалось оголить землю, превращая все в одно пожарище крови и „общество“—в дикую бродячую орду.

ЛП. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВСЕИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И АНАРХИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

423. Но если бы анархистам и удалось бы побороть вековую дезорганизацию, став стройной строго-дисциплинированной полкоцентрализованной партией (что „естественно“ абсолютно невозможно, ибо тогда пришлось бы им прощаться с „анархией“, немножко поступаться свободной личностью, т. е. ввести пока смягченное шкурничество, шкурничество-минимум, оставляя шкурничество-максимум, как идеал), то и тогда Человечество

Всеизобретателей было бы против их „нового курса“ и конечного его пункта: планомерно-анархистической революции.

424. Человечество Всеизобретателей не только усматривает внутреннее логическое противоречие в анархической партии, находит противоречивость интересов между анархической личностью (т. е. шкурником) и партийно-анархической личностью, т. е. анархистической личностью, сверх того, что и анархическая личность, т. е. шкурник, нуждающийся в анархическом ярлыке для успокоения совести или как в орудии наилучшей паразитации, не совпадает с простым неанархическим шкурником.

425. Если анархистам удалось бы помощью эклектизма, синкретизма и плагиата (на что они как аморальные дегенеративные сверхпаразитарные типы очень горазды) как ни как сколотить партию, что было бы очень желательно и что должно было быть приветствуемо, как всякая легализация преступников-воров с программой-минимум (пока не воровать) и с программой-максимум (воровать в будущем),—то тогда только Человечеству Всеизобретателей пришлось бы вести с ними систематическую борьбу, которая вращалась бы, главным образом, вокруг их идеала, как чистой идеологии чистого паразитата, и их стремления к анархистической (хотя планомерной) революции.

426. В еще большей мере Человечество Всеизобретателей относится отрицательно к анархо-автоорганизационистской революции, представляющей собою верх политиканства, надувательства, фребелевского нянчества, шарлатанского диктаторства политофокусника под видом „самодетельности масс“, преподнесения глупому ребенку касторки в виде конфет, централкомитетства под видом швейцарско-примитивного референдума.

427. Все эти анархистические революции вовсе не суть даже революции, а доподлиннее контр-революции, ибо революцию (и не одну, а несколько) уже совершило старое паразитарное общество прежде чем векабакалось до государства. Этот паразитарный институт для него идеал, представляя собою паразитизм высшего порядка.

428. Анархизм, провозглашая анархию, свободу личности, возвращает общество к догосударственному сосуществованию, к анархии и, следовательно, не к свободе личности, а к диктатуре личности, к диктатуре одиночно-сильного, одиночного грабителя, одиночного или маленькой шайки разбойников, к диктатуре одиночек паразитов или паразитарных орд.

429. Мировая анархистическая революция, универсал, означает потому мировое мелкое хулиганство, а, главное, универсальное паразитство, превращение всего земного шара в один анархический особняк, где, пожирая и съедая все, опоражнивая бочки вина, меда и масла, полакомясь и поразвратничая властью, эта паразитарнейшая шайка съест друг друга, если не перестремится.

430. При диктатуре этого шкурья, этого сверхпаразитарного отродья, с которым посоперничать в паразитстве и хулиганстве могли бы одни Сарданапалы, Нероны, американские миллиардеры,—эксплуатация Изобретателей, Человечества достигла бы таких размеров, при которых существование какой бы то ни было цивилизации, хоть петребильдовской, стало бы невозможным, и „общество“ скатилось бы вниз в полное абсолютное паразитство первобытных дикарей.

431. С другой стороны, Человечество рассматривает спор анархистов с государством как спор паразитов между собою, спор эксплуататоров

Человечества Изобретателей, спор, аналогичный тому, который был между феодалами и буржуазией: рента или прибыль на капитал, кто должен сожрать рабочего? и аналогично тому, как там, в конце, при выступлении пролетариата оба примирились, так и здесь, со временем, при выступлении Единства Всех Изобретателей всего земного шара на сцену истории в своей изобретательной борьбе с его паразитами, эксплуататорами обе стороны, оба паразита примирятся, и анархия протянется руку государству, точнее, анархисты—государственникам в единой бешеной злобе против ограничения потребилловчества, лакомства, смакомства и лихорадчества.

432. До того времени пока эти „милые бранятся между собою“, Человечество Всеизобретателей стоит за наименьшего шкурника, потребилловца,—за того шкурника, потребилловца, который, сам лодырничая и потребилловствуя всласть, хоть других подталкивает, погоняет на работу и распределением хоть чуточку умеряет аппетиты у не своих—это государство.

433. Анархическую революцию (в какой бы то ни было форме) Человечество Всеизобретателей клеймит как контрреволюцию, как реставрацию потребилловца до-феодала, и „свободу личности“, автоорганизацию и проч. словечки паразитарного анархо-манчестерства, расшрифровывает как диктатуру потребилловца не только над Изобретателем, но и над производителем (пролетариатом), т. е. как диктатуру обывателя, полно-паразита, над рабочим, полу-паразитом, словом, как диктатуру потребилловства, потребилловки не только над Изобретательством, но и над производством.

434. Человечество Всеизобретателей будет всем своим Всеизобретательством содействовать

тому, чтобы грязные варварские слюнявые онаничечки вожделения и исползовения анархической потребилловческой шайки, декласеа паразитов, восгосподствовать, диктаторствовать над классом производителей (пролетариатом) остались бесплодным политиканским самоуслаждением.

435. Для Человечества Всеизобретателей пролетариат есть что то вроде буржуазии (для пролетариата), коммунистическая партия—либеральная партия, иногда радикал-либеральная; анархисты же—вроде консерваторов, феодалов, вплоть до черной сотни.

436. Анархисты, крайние, это черная сотня паразитата (не даром же у них черное знамя). И если всякая революция (как война) по существу осуждена на разрушение, следовательно, быть паразитарной, то анархическая или анархистическая революция будет наименее паразитарнейшая: при ней неизбежно хозяином всего станет декласе антипроизводителей, словом, потребиллов-потребилловец. Организатором-автоорганизатором-диктатором всего станет преэвратист-рецидивист-онанист-дегенерат-смакун-обжора-лакомка-лодырь-роскошник-семенный-пузырь, словом, паразитат.

437. Лишь одной мерой государство может вынудить Человечество Всеизобретателей бороться с ним (с государством) рядом с анархистами (с злейшими врагами Человечества)—это в случае покушения на права-минимум Человечества: на его Внегосударственность.

438. Человечество Всеизобретателей тогда будет действовать аналогично пролетариату, в период его слабости: всегда с либералами против феодалов, но в случае измены либералов—провести свои реформы и через поддержку феодалов наперекор буржуазии.

439. При внегосударственности — Человечество Всеизобретателей всегда с государством против анархистов; при нарушении же внегосударственности Человечество Всеизобретателей оставляет за собою свободу выбора: 1) ждать лучшей политической ситуации (если оно слабо), 2) эмигрировать в более свободную „страну“, 3) бороться с государством вместе с анархистами, 4) самостоятельно бороться с государством путем подготовки к оборонительной революции (если оно достаточно сильно), т. е. революций, после которой государству и всем государственным лицам предоставляется право абсолютно независимой государственности, и могущей быть распространяемой вплоть до полного „статус кве“ дореволюционного состояния, ограниченного лишь внегосударственностью.

LIV. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЗАЩИТА-ПРОТИВЛЕНИЕ.

440. Защита-противление есть диаметрально противоположность насилию.

441. Защита-противление не только не есть насилие, она-оно есть еще даже противонасилие, упразднение насилия.

442. Только дутаные головы анархии, эти реакционеры, независимо от течения, от городского эгоиста Штирнера до деревенского плошки Толстого, только эта паразитарная компания могла так извратить понятия, что у нея вышло, что защита и насилие это одно и то же.

443. Паразит это эклектик: как наслажденец он смакует и горькое и сладкое и кисленькое. Наука, как и вся переходная нынешняя цивилизация, эклектична, потому что она паразитарна и паразитарна, потому что — эклектична. Анархия, анархизм — верх паразитизма, следовательно, верх эклектизма; отсюда его шатания.

444. Защита-противление и насилие это день и ночь, тепло и холод, юг и север, небо и земля: где одно, там нет и не может быть другого. Они два полюса: первое полюс добра, второе — полюс зла. Они далеки друг от друга, но тем не менее переходят друг в друга, правильное, доходят друг до друга, но только минуя промежуточные ступени, состояния.

445. Паразитарный тип паразитарной цивилизации, тип страсти и наслаждения, садист по существу, раб по своей психологии, „угнетенный“ (угнетенный и духом), должен при победе, при отражении удара, отвести душу, сорвать злобу, мстить: за постом у него следует покойка, за принужденным аскетизмом долговекового смиренчества — вакханалия насилия.

446. Человечество Изобретателей, как вечный создатель и, будучи осмеяно и поругано, эксплоатируемо и паразитируемо, оно не раб, не угнетенный (психологически), оно изобретенное Человечество, Человечество без эмоций, без аффектов. Оно не может перейти от защиты к насилию, падению, ибо тогда оно перестает быть Человечеством Изобретателей, становясь античеловечеством естественников.

447. Но Человечество Всеизобретателей не было бы тем, что оно есть и должно быть, если бы не обезлечило этой невозможности перехода посредством автоматизации защиты.

448. Изгоняя роскошь, как агента смерти, из телесного употребления, оно выселяет кару (мечь) из социального потребления (соблюдения „законов“), из судопроизводства, как вторую социальную роскошь, агента преступности, и вытравливает из изобретальной внешней безопасности третью роскошь, роскошь миллионов трупов, как агента боса, падения, насилия.

449. По восстановлении попраиных прав Изобретения, господства Изобретения над капиталом, первое окончательно исправит все ошибки второго, оправдывая все извращения капитализации, его ускальзывание от контроля, его страсть к эксцессам и, как на место кары поставит предупреждение (сначала и лечение, а после одно предупреждение), социал-гигиено-изобретательство, так и на место современной стратегии, тактики, поставит защиту.

450. Человечество Всеизобретателей, в конце концов, уничтожит все современные виды оружия, как орудия убийства, орудия нападения, изобретая новое антиоружие, орудия чистой защиты, автоматы защиты, которые никогда не „увлекутся“, никогда не смогут перейти от протизления защиты к паскилю, — нападению.

451. За периодом безкровных боев автоматов (танков или аэропланов) меж собою, без присутствия Человека, наступит второй период полной чистой защиты уж не за одной экономии сил, не жаль зря, совершенно абсурдно уничтожать целые громады металла, как чине разбойничьи уничтожаются миллионы живей, хоть диких людей, все же людей.

452. Эта же система еще гораздо раньше будет применена для внутренней безопасности.

453. Государству, таким образом, придется и миллионную, охранную функцию передать Всеизобретателям, затем, впоследствии, к последней перейдет и антимилитарная функция, т. е. изобретание и поизобретание, автоматизация, обеспечение внешней безопасности путем защиты, но еще не все люди на всем земном шаре поймут свой долг приближения к Человечеству.

Конец первой книги.

Handwritten signature or initials in red ink.